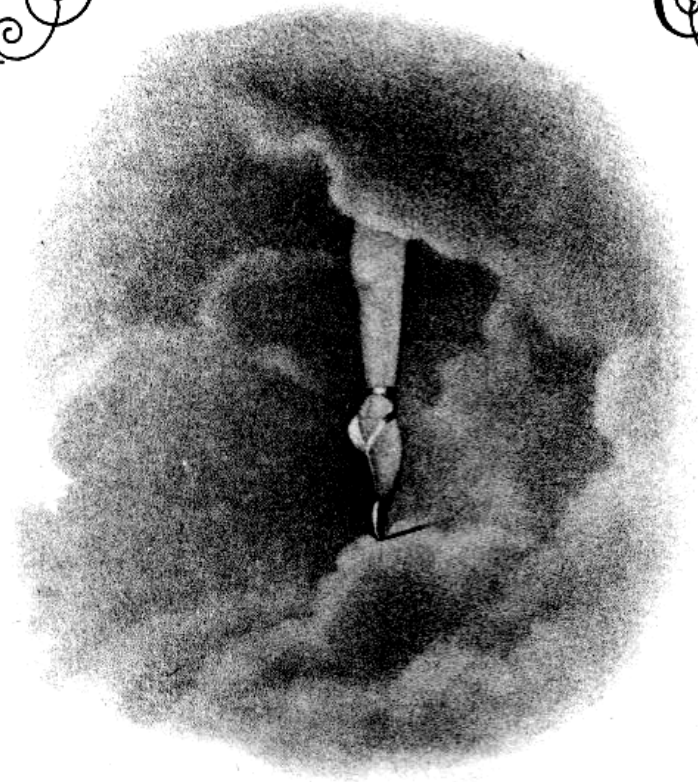

Н. В. СОЛОВЬЕВЪ.

МАРІЯ ТАЛЬОНИ

23 АПРѢЛЯ 1804 г. — 23 АПРѢЛЯ 1884 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
1912.

*Простилъ вашеобличье! Сивфидойъ ликаетсяной?
Она за облака въвыластъ Счастливый путь!
Но проза огров на оло поэзийъ дооплотной?
Освѣтите, для того крѣпко въ башимакъ обуть?
Нѣтъ. Нѣтъ. Разсѣнкойс*

Вотъ что, скажите, что это?

*Марія Тальони. Литографія Майєра по рисунку Санзі.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).*

I.

Едва ли кому еще изъ артистовъ XIX вѣка выпала на долю такая всеобщая, такая всемірная слава, такое бесспорное и единодушное поклоненіе, какъ Маріи Тальони, имя которой гремѣло въ теченіе 25 лѣтъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ. И до сихъ поръ, въ теченіе почти уже ста лѣтъ со дня ея перваго дебюта въ Вѣнѣ въ 1822 году, имя Тальони не сходитъ съ устъ любителей театра и одно воспоминаніе о талантливой артисткѣ вызываетъ самые искренніе восторги, не заглушенные ни отдаленностью времени, ни новыми идеалами театральнаго искусства.

Сценическая дѣятельность знаменитой артистки составляетъ эпоху не только въ исторіи балета, но и въ исторіи театра вообще; Тальони представляетъ собою явленіе совершенно самобытное, чуждое вліянія какихъ либо школъ, преданій и традицій. Ея значеніе въ томъ, что она сумѣла опозитизировать свое искусство и, первая,

своимъ изящнымъ талантомъ выдвинула балетъ и танцы на подобающее мѣсто въ ряду другихъ изящныхъ «художествъ».

Съ этой точки зрѣнія она была вполне вѣрно понята своими современниками, видѣвшими въ ней олицетвореніе танца, самое «Музу пляски», «4-ю Грацію» и умѣвшими цѣнить въ ней ту «душу», которая является печатью генія, и отсутствіе которой мертвитъ всякое искусство, превращая его въ простое ремесло.

Charles de Boigne въ своихъ «Petits mémoires sur l'opéra» говоритъ, что «до Тальони танцы были ремесломъ... Она явилась и ремесло стало искусствомъ... балетъ вступилъ въ новую эру». Онъ говоритъ далѣе, что она явилась революціонеркой танца, одержавшей побѣду не чарами своей личной красоты, но исключительно силою своего таланта: «Elle était plus qu'une danseuse, говорить онъ, — elle était la danse elle même».

Рецензентъ газеты «Le Constitutionnel» отмѣчалъ, что: «въ манерахъ, въ граціи, въ талантѣ m-lle Тальони есть что то чистое, стыдливое, наивное, что придаетъ имъ прелесть невыразимую». «M-lle Тальони въ ея танцахъ — это оживленный идеалъ, читаемъ мы въ журналѣ «Le Charivari» 1834 г. — это божественная греза». Всякій танецъ принадлежитъ землѣ, она же, по выраженію автора, можетъ сказать: «Mon Royaume n'est pas de ce monde... Только ей возможно придавать такую очаровательную меланхолю движенію своихъ ногъ, придавать душу каждому пируэту и туру»!..

Рецензентъ Художественной Газеты говоритъ по поводу постановки Дѣвы Дуная въ Петербургѣ, въ 1838 году: «А Тальони! — Тальони одна рѣшительно особенное, отдѣльное искусство». «Талантъ г-жи Тальони,

говорится далѣе въ той же газетѣ, есть особеннаго рода явленіе, какого не видѣли предшествовавшія намъ поколѣнія. Она соединяетъ въ себѣ множество первоклассныхъ своего художества качествъ; главнѣйшими должно считать грацію, неисповѣдимую, сказочную грацію ея тѣлодвиженій и ея «величайшую естественность и простоту».

«Она осуществляетъ своими танцами, писалъ другой русскій современникъ, все что до сихъ поръ намъ казалось несбыточнымъ вымысломъ поэтовъ — она доказываетъ что полувоздушная грація женскихъ фигуръ на древнихъ вазахъ, барельефахъ, медаляхъ не идеальное воображеніе художника, не выдумка, а натура». (Статья Булгарина о балетѣ въ «Сѣверной Пчелѣ» 1837 г.).

Тальони, по словамъ современниковъ, оживила собою воспоминанія о древнемъ, цѣломудренномъ изяществѣ въ пластикѣ, которое греки боготворили въ лицѣ созданныхъ ихъ воображеніемъ божествъ. Изящный вкусъ артистки постигъ эту завѣтную тайну прекраснаго, которую такъ живо умѣли чувствовать древніе художники; она первая очистила свое искусство отъ недостойныхъ примѣсей и танцы ея сдѣлались идеаломъ чистоты, граціи и прелести. (Статья П. М. въ «Сѣверной Пчелѣ» 1838 года).

О. А. Пржецлавскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Въ исходѣ 30-хъ годовъ явилась въ Петербургѣ Тальони... впервые мы увидѣли танецъ оживленный душою... Это была Галатея, вызванная къ жизни страстью Пигмаліона... Многіе говорили, она танцуетъ не лучше, она не красивѣе и не граціознѣе другихъ, но въ ея танцѣ есть «je ne sais quoi». Вотъ это то «je ne sais quoi» и была та душа, которую она первая своимъ гениемъ

сумѣла воплотить въ свое ремесло и тѣмъ возвысила его на степень изящнаго искусства... У нея было еще одно качество, исключительное и неподражаемое. Это цѣломудріе, дѣвственная стыдливость, облагораживающая и идеализирующая ея игру среди исполненія самыхъ разнообразныхъ требованій хореографическаго механизма и мимики... Эти послѣднія качества сказались и въ ея внѣшности на сценѣ. Она явилась революционеркой костюма на сценѣ, и при ней «la danseuse s habillait en première communiantе» *).

Тальони заботилась всегда о поэтическомъ воспроизведеніи изображаемаго лица и умѣла воплощать образы исполняемыхъ ею ролей. Къ сожалѣнію, либретто балетовъ были по большей части ничтожны по своимъ литературнымъ достоинствамъ и «великая художница» не могла всегда достойнымъ образомъ выказать весь свой талантъ.

Въ этомъ отношеніи однимъ изъ исключеній былъ балетъ «Сильфида», либретто котораго было составлено Адольфомъ Нурри по извѣстной сказкѣ Ch. Nodier-Trilby (музыка Шнейцгопфера). Это было одно изъ лучшихъ созданій Тальони и Парижъ не называлъ ее иначе какъ «Наша Сильфида». Увидя ее въ этой роли самъ Nodier воскликнулъ: «Je n'avais pas rêvé ce démon là».

Théophile Gautier, извѣстный французскій поэтъ-романтикъ, очень увлекался талантомъ Тальони и для нея передѣлалъ старинную бретонскую легенду въ извѣстный балетъ «Жизель». По его словамъ Тальони изъ танца сдѣлала «un art presque immatériel». Въ ея танцахъ онъ видѣлъ съ радостью побѣду романтизма.

*) См. книгу А. Ehrhard, Une vie de danseuse.

Вообще призваніемъ Тальони были роли фантастическихъ, неземныхъ существъ, сильфидъ, тѣней, легкихъ и воздушныхъ видѣній, загадочныхъ и таинственныхъ, выходящихъ изъ области видимаго міра и переносящихъ въ царство поэзіи; въ этихъ роляхъ она наиболѣе проявляла свою легкую, цѣломудренную, почти безтѣлесную грацію.

Она въ совершенствѣ сумѣла достигнуть той, по выраженію французскаго современника, «idéale séraphicité» *), которая являлась идеаломъ женскаго изящества эпохи романтизма во Франціи. Она была, какъ про нее говорили, абстрактная идея, едва облеченная въ газовыя формы. Ея жесты и движенія казались исчезающими въ безконечности.

Въ этой то близости личности артистки и ея таланта царившему тогда въ Европѣ романтизму и заключается одна изъ главныхъ причинъ исключительнаго и всеобщаго успѣха Тальони. Элементъ романтизма въ ея танцахъ сочетался съ началами чистѣйшей античной цѣломудренной пластики и эти качества придавали таланту ея какое то необъяснимое обаяніе, вызывали совершенно новую и неповторяемую комбинацію впечатлѣній.

Не отличаясь красивыми чертами лица, Тальони преобразалась на сценѣ, какъ истинная художница, почувствовавшая въ себѣ высшее вдохновеніе генія.

Необъяснимая привлекательность ея личности очаровывала всѣхъ, знавшихъ артистку и французы говорили про нее: «ce n'est pas une femme, — mais un charme». Французскій біографъ ея говоритъ, что Тальони была

*) Изъ неизданнаго письма 1836 г., см. книгу S. Maigran, Le Romantisme et la mode, 1911.

хранительницей чистѣйшихъ традицій искусства, олицетвореніемъ танца, королевой и повелительницей сильфидъ. «Тотъ, кто не видалъ ея на сценѣ, говоритъ онъ, никогда не будетъ имѣть понятія о идеалѣ красоты этого небеснаго искусства». («Ne sauront jamais ce que c'est que l'idéal beauté de cet art céleste»).

Сцена изъ балета «Zemira». Литографія изъ альбома 1826 г.

II.

Марія Тальони родилась въ Стокгольмѣ въ 1804 или 1809 годахъ. Въ этомъ отношеніи ея біографы несогласны между собою и съ одинаковою настойчивостью указываютъ на оба эти года. Отецъ ея былъ знаменитый миланскій балетмейстеръ Филиппъ Тальони, мать — дочь знаменитаго шведскаго артиста Карстена... Съ 8 лѣтъ будущая знаменитость начала учиться танцамъ во Франціи и уже въ 1822 году, 10 іюня (18-ти или 13-ти лѣтъ!), дебютировала въ Вѣнѣ въ поставленномъ ея

отцомъ дивертиссементъ подъ названіемъ: «Принятіе молодой нимфы ко двору Терпсихоры». Своимъ триумфомъ она затмила всѣхъ своихъ предшественницъ и съ этихъ поръ единодушный успѣхъ не покидалъ ее нигдѣ.

Вотъ что писалъ рецензентъ Вѣнской «Theaterzeitung» объ этомъ спектаклѣ:

«Вчера былъ поставленъ въ 1-й разъ «Новый анакронтическій дивертиссементъ», сочиненный императорскимъ и королевскимъ балетмейстеромъ г. Тальони, причемъ впервые выступила молодая и очень талантливая дѣвица Марія Тальони. Природа, видимо, очень ясно опредѣлила ея призваніе къ тому пути, на который она вступила. Пріятная виѣшность, грація движеній и достаточная степень технического совершенства, дѣлають ее уже теперь вполне готовою танцовщицею и выказываютъ способности ея къ дальнѣйшему развитію. Достаточно уже того, что рядомъ съ госпожами Milliere и Heberle она не только не осталась въ тѣни, но наоборотъ, показала себя съ блистательной стороны. Движенія ея ногъ точны и опредѣленны, она съ полною увѣренностью исполняетъ самыя сложныя па, и, съ годами, движенія ея приобретутъ еще большую силу, хотя уже и сейчасъ она обладаетъ всѣми необходимыми физическими качествами. Публика встрѣтила молодую артистку крайне дружелюбно и принимала ее по заслугамъ».

Любопытно, что слѣдующимъ балетомъ, въ которомъ выступила Тальони былъ «Гамлетъ», большой балетъ въ 5 актахъ, передѣланный изъ шекспировской трагедіи балетмейстеромъ Ненгу. Оригинальная идея такой передѣлки безсмертнаго произведенія Шекспира, не увѣнчалась, конечно, успѣхомъ и балетъ этотъ, въ которомъ по словамъ рецензента той же газеты, «трагическій сю-

жетъ былъ значительно, смягченъ», даже съ измѣненіемъ самаго смысла трагедіи, очень скоро былъ снятъ съ репертуара. Тальони исполняла въ немъ съ успѣ-

М. Тальони. Литографія по рис. Lauter 1827 г.
Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой.

хомъ терцетъ съ тѣми же балеринами театра, о которыхъ упоминалось въ 1-й рецензії. Музыка была написана графомъ Галленбергомъ.

Путешествіе по Германіи (Штутгартъ, Мюнхенъ) Италіи и Франціи (Парижъ), дало молодой артисткѣ новыя лавры и съ 1827 — 28 г.г. она окончательно утвердилась въ столицѣ Франціи, съ тѣмъ чтобы лишь временно измѣнять ей для Лондона. 1-й дебютъ ея на Парижской сценѣ Большой Оперы, 23 іюля 1827 года *), въ балетахъ «Весталка» и «Сицилианка», прошелъ съ выдающимся успѣхомъ, при переполненномъ, несмотря на лѣто, залѣ. Энтузіазмъ публики былъ такъ великъ, что тутъ впервые на сценѣ Большой Оперы, артистка была заброшена букетами. Это было противъ этикета, но и настроеніе публики было не обычно.

Серьезный и популярный органъ «Le Journal des Débats» 3 августа помѣстилъ слѣдующую рецензію: «Какъ! 25 градусовъ жары и почти полная зала? И между тѣмъ никакихъ новостей, опера идущая уже много разъ, балетъ, кажется, наиболѣе надобвшій изъ всѣхъ балетовъ... Но если пьесы были стары, за то танцовщица, которую намъ только что прислала Италія, была здѣсь, чтобы ихъ помолодить...» Далѣе говорится, что видя ее поэтъ не преминулъ бы воскликнуть: «Les fleurs naissent sous ses pas, les ris, les jeux et les amours lui tiennent fidèle compagnie».

«Какая то тайная грація сопровождаетъ каждое ея движеніе...» говоритъ далѣе авторъ и отмѣчаетъ ея исключительный успѣхъ у публики.

Газета «Le Constitutionnel», встрѣтила извѣстіе о выходѣ новой танцовщицы довольно недружелюбно и въ день ея 1-го дебюта скептически отмѣчала, что успѣхъ

*) Еще ранѣе, она выступала въ 1824 г., въ Парижѣ, на сценѣ театра Porte St. Martin, но безъ особаго успѣха.

въ Италіи еще не гарантируетъ успѣха въ Парижѣ въ виду особой избалованности парижской публики. Тонъ газеты совершенно перемѣнился послѣ 1-го дебюта Тальони и 28 іюля тотъ же рецензентъ писалъ о ней: «Движенія ея стройной фигуры находятся въ полной гармоніи съ движеніями ея головы, ея рукъ, ея ногъ. Все это вмѣстѣ взятое такъ мягко, гибко и граціозно, но эта грація не имѣетъ ничего общаго съ той, которую мы знаемъ, въ ней есть что то совершенно своеобразное. Лицо m-lle Taglioni имѣетъ характеръ красоты, совершенно чуждый французамъ, ея большіе, широко раскрытые, глубокіе глаза держатъ зрителя въ какомъ-то очарованіи. Партеръ оперы потерялъ привычку къ новостямъ, но не вкусъ къ нимъ, и залъ дрожалъ отъ топота и рукоплесканій. Къ партеру присоединились ложи и оркестръ и приняли участіе въ этомъ концертѣ аплодисментовъ. Крики «браво» раздавались по всему залу. Я мало видѣлъ такихъ блестящихъ дебютовъ, какъ дебюты г. и г-жи Тальони». Съ нею вмѣстѣ дебютировалъ и ея братъ Павелъ Тальони.

«Въ такомъ нѣжномъ возрастѣ, говоритъ тотъ же рецензентъ, она заняла съ настоящаго момента мѣсто въ ряду первыхъ танцовщицъ нашего времени и, конечно, мѣсто ей предназначено на нашей 1-й лирической сценѣ».

Популярность Тальони въ Парижѣ и Лондонѣ была громадна; эти двѣ столицы какъ бы ревновали ее другъ къ другу и даже временно неохотно разставались со своей любимой артисткой. «Она отсутствуетъ, писалъ J. Janin во время ея отъѣзда, — и вечерняя жизнь въ Парижѣ дѣлается совершенно невозможной». («Elle absente, la vie parisienne de chaque soir était tout à fait impossible»).

Марія Тальони. Литографія по рисунку Л. Ноѣ 1833 г.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьёвой).

По словамъ газетъ, многіе парижскіе поклонники Тальони переселялись въ Лондонъ на время ея гастролей; другіе провожали ее до самаго берега.

Имя ея не сходило со страницъ газетъ и журналовъ, ревниво, шагъ за шагомъ, слѣдившихъ за ея пребываніемъ въ соперничающей столицѣ. Divine, Admirable, Inconceivable, Prodigueuse, Inimitable — вотъ эпитеты, которыми награждали Тальони газеты и журналы и которыхъ, по словамъ ея біографа хватило бы на цѣлый большой томъ.

Восторги, которые вызывала Тальони своими танцами въ холодныхъ бриттахъ были до того совершенно неизвѣстны въ Англіи.

По выраженію французскаго современника «M-lle Taglioni est la première idée légère qu'ayent eu les Anglais». Дѣйствительно, тяжеловѣсные и хладнокровные англичане проявили удивительную пылкость по отношенію къ Тальони и съ жаромъ воспѣвали ее въ стихахъ и прозѣ. Въ отлично изданномъ и рѣдкомъ альбомѣ подъ названіемъ: Six sketches of M-lle Taglioni, Drawn from the life by A. Chalon. London, 1831 г. 4°, съ 6-ю превосходно исполненными литографіями, изображающими артистку въ разныхъ роляхъ, поэтъ F. Bayley даетъ 6 стихотвореній, по одному къ каждому портрету, довольно звучныхъ и красивыхъ. Вотъ начало одного изъ нихъ:

«Nayade! if Venus sprung of ocean's foam,
The bright of brow!
Nayade! if she be queen of Beauty's home
Then what art thou?» *).

*) Наяда, если Венера явившаяся изъ морской пѣны съ сіяющимъ челомъ, если она — царица красоты, то что же тогда ты?

Марія Тальони. Литографія по рисунку G. Grevedon.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ перечисляетъ роли сыгранныя артисткой въ Лондонѣ и говоритъ:

«Marie Taglioni! we've bow'd to thee now,
As a nymph of blue stream, — the goddess of flowers
As a creature whose heart, like the smile on her brow,
Is as light and as lovely as life's happy hours!» *)

Заканчиваетъ эти стихи онъ такъ:

«And now, with the hope that mid days of delight
And moments of pleasure, nor futile, nor few,
Thy heart may be happy, as thy step has been light,
Marie Taglioni! — we bid thee adieu!» **)

Неизъяснимой граціей Тальони восхищала своихъ современниковъ, своимъ красивымъ талантомъ вдохновляла художниковъ и поэтовъ всего міра. И если холодные и чопорные англичане увлекались поэзіею ея танца до настоящаго энтузіазма, то понятно, какъ должны были обожать восторженные французы свою «божественную Сильфиду».

Писатели и поэты, художники и скульпторы, музыканты и композиторы восхищались талантливой артисткой и посвящали ей свои лучшія произведенія. Стихи въ честь Тальони писались во множествѣ, мадригалы ей слагались ежедневно и многіе изъ нихъ даже не попа-

*) Марія Тальони, мы преклоняемся передъ тобой, какъ передъ нимфой голубыхъ водъ, какъ передъ богиней цвѣтовъ, чье сердце чисто, какъ на лицѣ улыбка, и прелестно, какъ часъ счастливой жизни.

**) А теперь мы, въ надеждѣ что для тебя наступятъ дни, полныя радости и твое сердце будетъ такъ же счастливо какъ была легка твоя стопа, говоримъ тебѣ, Марія Тальони — прощай.

дали въ печать. Извѣстная баллада «Дунайская Русалка», сочиненная моднымъ поэтомъ Е. Demart и переложенная на музыку композиторомъ А. Адамомъ (написавшимъ и балетъ «Дѣва Дуная»), разошлась въ количествѣ 5.000 экземпляровъ. Вотъ ея начало:

«Une nuit, une plume
Voguant avec la brume
Sur un flocon d'écume
Vers ces bords m'apporta.
Le matin la vallée
Sur la rive émaillée
Me vit et m'adopta.
Le Danube qui brille,
Me dit ouvrant ces bras
Dans vos chagrins ma fille
Ne m'oubliez pas» *).

Самъ знаменитый Мейерберъ написалъ музыку на посвященную Тальони поэму «La fille de l'air»; въ его же оперѣ «Робертъ», она выступала съ такимъ выдающимся успѣхомъ. J. Strauss написалъ въ честь ея «Taglioni - Walzer».

Поэты сравнивали артистку со всѣми божествами мифологій; одинъ изъ нихъ писалъ:

«La Venus, que Florence adore en son musée,
Du nom de Medicis déesse baptisée
C'est elle c'est Taglioni...» **)

*) Туманною ночью на брызгахъ пѣны явилась я къ этимъ берегамъ и была ими признана своею. Лучезарный Дунай сказалъ мнѣ, открывая свои объятья: «въ горестяхъ своихъ, дочь моя, не забывай меня».

**) Венера, которую Флоренція обожаетъ въ своемъ музеѣ, богиня, называемая Медичейскою — это она, это Тальони.

М-lle Talbot называетъ ее:

«Vision du Nord venue,
Blanche fille de la nue,
Que nous voyons en rêvant
Plus légère, plus badine
Que la Sylphide ou l'Ondine
Qui s'endort sur les vents» *).

Jules Canonge восклицаетъ:

«Car sur toi l'oeil impur ne trouve point de place
Mais toujours le regard se repose enchanté,
Et de ta chaste majesté
Tout mouvement est une grâce
Toute pose est une beauté...» **).

Нерѣдко поэты доходили чуть не до обоготворенія своего кумира; Méry въ «Monde Dramatique» писалъ:

«On plaçait aux siècles antiques
Sur les autels du corridor
Les dieux pénates domestiques
Faits de marbre, d'argile ou d'or.
En les chassant de son enceinte
Rome prit la madone sainte
Que toute famille adora:
Aujourd'hui l'artiste nous donne

*) Съ сѣвера явилась ты къ намъ блѣдная дѣва, и въ мечтахъ ты намъ кажешься шаловливѣе и воздушнѣе Сильфиды или Ундины, убаюканныхъ вѣтромъ.

**) На тебѣ отдыхаетъ восхищенный взоръ, на тебя нечистый взглядъ не можетъ быть брошенъ. Твое каждое величавое движеніе — грація, твоя каждая поза — красота.

«Le dieu pénate ou la madone
Nés dans le ciel de l'Opéra» *).

Эти стихи относились къ статуеткѣ Тальони.

L. Lenoir говорилъ еще сильнѣе:

«Ah, sois notre salut, vierge blanche pieuse
Colonne de cristal, étoile radieuse».

Въ брошюрѣ «A M-lles Taglioni-Noblet» (1833 г.),
про первую говорилось: «Toi ange, déesse de la danse».

Гораздо позднѣе, уже при концѣ дѣятельности зна-
менитой артистки, Альфредъ Мюссе писалъ ей въ аль-
бомъ, по поводу ея послѣднихъ выступленій въ Большой
Оперѣ въ 1840—44 г.г. въ балетѣ «Тѣнь» (L'Ombre).

«Si vous ne voulez plus danser
Si vous ne faites que passer
Sur ce grand théâtre si sombre
Ne courez pas après votre ombre
Et tachez de nous la laisser...» **).

Изъ скульптурныхъ изображеній Тальони между про-
чимъ извѣстна статуетка работы Барръ, воспроизводив-
шаяся во множествѣ видахъ. Къ этой статуеткѣ поэтъ
Меру написалъ длинные стихи:

A la statuete de Taglioni.
«De l'atelier qui te dérobe,

*) Въ древнія времена воздвигали алтари домашнимъ богамъ —
Пенатамъ изваяннымъ изъ мрамора, золота или глины. Римъ
изгналъ ихъ отъ себя призвавъ божественную Мадонну. А теперь
артистъ предлагаетъ намъ новую богиню, рожденную въ теа-
тральныхъ небесахъ.

**) Если Вы не хотите болѣе танцовать, если Вы только мимо-
летнымъ видѣньемъ явились въ этомъ мрачномъ театрѣ, не убѣ-
гайте же за Вашей тѣнью и оставьте намъ хотя ее.

«A l'avidé regard mondain
Sors avec ta flottante robe
Nimphe du céleste jardin» *).

«Легкій лепестокъ розы,» «Греза, облекшаяся въ газовую
одежду», «Нимфа небесныхъ садовъ», «Королева воздуха»,
«Фея Парижа», вотъ какъ называютъ поэты Тальони въ
своихъ многочисленныхъ хвалебныхъ мадригалахъ.

Понятно, что художники Франціи и Англіи напере-
рывъ старались рисовать ея портреты и мы имѣемъ мно-
жество ея изображеній въ самыхъ различныхъ видахъ и
роляхъ. Въ этомъ отношеніи едва ли еще кто изъ арти-
стовъ можетъ съ нею сравниться.

Рисовалъ ее и знаменитый Греведонъ, прославившійся
своими женскими портретами, и Деверіа, Canzi, Meyer, Le-
polle въ Парижѣ, Chalon, Smith, Robinson, въ Лондонѣ;
вотъ нѣкоторыя имена художниковъ, которые оста-
вили намъ изображенія знаменитой артистки, воспроизве-
денныя по большей части литографіею. Многіе изъ портре-
товъ рисованы съ натуры и отличаются своимъ сходствомъ,
большинство же, къ сожалѣнію, болѣе или менѣе фан-
тастичны и издавались предприимчивыми торговцами,
спѣшившими использовать всеобщую моду на все, что
относилось къ имени любимой Сильфиды.

Въ этомъ отношеніи не отставали и другіе предпри-
ниматели, и съ именемъ Тальони связывали многія но-
винки торговаго и промышленнаго міра, желая этою
рекламою обезпечить имъ вѣрный сбытъ. Благодаря
Тальони, всегда носившей на сценѣ и въ жизни ко-

*) Изъ мастерской которая тебя скрывала отъ алчныхъ взгля-
довъ толпы, выходи въ своемъ развѣвающимся платьѣ, нимфа
божественныхъ садовъ.

стюмы изъ бѣлаго мусселина, матерія эта вошла въ особенную моду. Торговый домъ Maurice Beauvais создалъ въ честь ея головной уборъ «Сильфида». Послѣ 1-го представленія «Дунайской Русалки» сейчасъ же поступила въ продажу тафта цвѣта «Дунайской Волны» и т. д. и т. д. Тальони, ея грація, манеры, костюмъ были идеаломъ для парижанокъ, старавшихся подражать ей, кто какъ умѣлъ, и вліяніе артистки на моду романтической эпохи было, несомнѣнно, очень значительно. Въ подражаніе ей, на юбки и корсажи, дамы старались нашивать множество волановъ, желая сдѣлать туалетъ болѣе воздушныхъ и шуршащихъ. Кружева, шарфы, вуали и тому подобные легчайшіе предметы окутывали женщину, стремившуюся придать себѣ тотъ «l'air de l'idéal séraphicité», котораго достигла сама Тальони. Легкость, изящество костюма, манеръ, походки были идеаломъ, какъ реакція противъ немного тяжелаго и слишкомъ «земного» стиля *empire*.

Говоря о подражаніи артисткѣ, современникъ ея Castile Blaze, въ своей книгѣ о балетѣ, изданной въ 1832 году, изобрѣлъ даже особый глаголъ «taglioniser» — тальонировать.

Въ обѣихъ столицахъ Тальони была принята въ лучшемъ артистократическомъ обществѣ, и многія королеванныя особы съ ея первыхъ же шаговъ удостоили ее своимъ особымъ вниманіемъ. Отличное воспитаніе, знакомство со всѣми европейскими языками, скромность и необъяснимое личное обаяніе, несмотря на некрасивыя черты лица, вотъ тѣ качества, которыя привлекали къ ней ея современниковъ. Королева Виртембергская, король и королева Баварскіе еще въ самомъ началѣ ея карьеры обласкали молодую дѣвушку, когда послѣ 1-го дебюта въ Вѣнѣ,

Марія Тальони. Литографія по рис. F. Salabert.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

она выступила въ Штуттгартѣ и Мюнхенѣ. Прусскій король, противъ всякаго этикета, прїѣхалъ съ принцами на первую репетицію «Баядерки» въ 1834 году. Королева англійская Викторія была большой почитательницей ея таланта, и по ея особому желанію директоръ Лондонскаго королевскаго театра стремился ангажировать танцовщицу на 1837 годъ, когда она уѣзжала въ Россію. Въ слѣдующемъ году, лѣтомъ она принимала участіе въ парадныхъ спектакляхъ, по случаю коронаціи королевы Викторіи. О взглядѣ на Тальони императора Николая I, мы будемъ говорить дальше.

Не одна строка въ воспоминаніяхъ и запискахъ современниковъ посвящена этой великой артисткѣ, и мы можемъ себѣ живо представить то художественное наслажденіе, которое она доставляла своимъ дивнымъ поэтическимъ талантомъ.

Вмѣстѣ со славой росло и матеріальное благосостояніе артистки, получавшей, по тому времени, громаднѣйшій гонораръ. Одиѣ поѣздки въ Лондонъ на лѣтній сезонъ давали ей свыше 50,000 франковъ, такъ какъ она, по ея собственнымъ словамъ (см. далѣе ея письмо изъ собранія В. Протопопова), за выходъ получала иногда въ Англіи по 6,000 рублей. Въ Парижѣ она получала по контракту 20,000 фр. и перспективную плату, составлявшую также сумму около 20,000 франковъ. Бенефисы давали ей свыше 30,000 франковъ каждый разъ. Въ Англіи къ тому же существовалъ обычай подносить артисткамъ очень цѣнные подарки.

Съ начала 1830 года, Тальони перестала безраздѣльно царить на европейскихъ сценахъ. Директоръ Парижской оперы Véron, нашелъ ей соперницу въ лицѣ знаменитой Фанни Эльслеръ. Уже послѣ 1-го ея дебюта въ Парижѣ

выяснилось, что это опасная конкурентка Тальони, и съ этихъ поръ началось ихъ постоянное соперничество. Газетная полемика приняла самый ожесточенный характеръ. Театралы Парижа и Лондона раздѣлились сейчасъ же на два лагеря, яростно защищавшихъ честь и достоинство своихъ кумировъ, и борьба этихъ партій доходила иногда до жестокихъ скандаловъ, а однажды даже до рукопашной схватки въ театрѣ. Справедливость требуетъ отмѣтить, что триумфъ Тальони остался недостижимъ и каждый успѣхъ Эльслеръ вызывалъ новый взрывъ симпатій къ божественной Сильфидѣ. Особенно это было ясно при участіи обѣихъ артистокъ въ одно время, какъ напримѣръ въ Лондонѣ на коронаціонныхъ торжествахъ 1838 года. Парижъ, въ общемъ, оставался вѣрнымъ своей Сильфидѣ, и если аплодировалъ Эльслеръ въ созданныхъ ею роляхъ, то рѣзко осуждалъ появленіе ея въ роляхъ Тальони. Вообще таланты обѣихъ танцовщицъ были совершенно различны, и Eugène Briffault совершенно вѣрно охарактеризовалъ ихъ говоря: «Si M-lle Taglioni est la soeur des anges, F. Elssler est la plus adorable des filles de la terre». Земное и страстное въ характерѣ танцевъ Эльслеръ являлось противоположнымъ кристально-чистой, безтѣлесной граціи Тальони.

Въ 1832 году Тальони вышла замужъ за графа Gilbert de Voisin, но бракъ ея былъ очень несчастливъ. Уже вскорѣ послѣ свадьбы мужъ растратилъ все накопленное ею состояніе, и въ 1835 году она съ нимъ разошлась. Семейныя неудачи, измѣнившіяся матеріальныя обстоятельства, а, можетъ быть, отчасти и постоянное соперничество съ Фанни Эльслеръ, заставили Тальони измѣнить родному Парижу и любимой

*Марія Тальони. Гравюра Robinson по рисунку E. Smith.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).*

Англии, и въ 1837 году, принять приглашеніе въ Россію, на очень выгодныхъ условіяхъ. Ей было предложено, вмѣстѣ съ ея отцемъ балетмейстеромъ — 32.440 рублей за сезонъ (Сентябрь — Февраль), и 3 бенефиса ей и 2 ея отцу. Чтобы судить объ этомъ окладѣ, нужно вспомнить, что по газетнымъ отчетамъ того времени одинъ изъ бенефисовъ 1838 года далъ 26.000 рублей сбора (ассигнаціями).

Отъѣздъ Тальони въ Россію причинилъ искреннее горе поклонникамъ ея таланта. Особенно горевали Парижане, привыкшіе уже считать артистку своею и крайне гордившіеся «феей Парижа», какъ они ее называли. Въ журналѣ «La Psyché» появилась замѣтка, горько оплакивавшая уѣзжавшую артистку. «La Sylphide nous quitte», называлась эта замѣтка въ Июльскомъ номерѣ журнала.

«Не чувствуете ли Вы въ воздухѣ, говоритъ ея авторъ, легкое и нѣжное колебаніе, что-то, что напоминаетъ собою шорохъ крыльевъ бабочки? Это m-lle Taglioni только что пролетѣла черезъ Парижъ. Она возвращалась изъ Лондона, она отправляется въ Россію. А Франція, Франція, которую она оставляетъ въ траурѣ, когда же Франція снова увидитъ свою Сильфиду?».

«Счастлива Россія, которая будетъ обладать нашимъ сокровищемъ, совершеннѣйшей граціей, восхитительнѣйшимъ талантомъ, чистѣйшею славой нашей первой сцены, чудомъ Оперы, королевой воздуха, феей Парижа».

Поэты особенно на прощанье осыпали ее хвалебными стихами, высказывая ей сожалѣніе по поводу постигшихъ ее неудачъ и горюя о разставаніи съ нею.

Jules Canonge писалъ ей въ альбомъ:

«Pour qu'ainsi tu nous abandonne,
T'avons nous donc faits des affronts?»

«D'assez rayonnantes couronnes
N'avons nous pas orné ton front?
De ton pied si léger la trace
N'a t-elle pas jonché l'espace
D'assez d'or et d'assez de fleurs?» *).

О ея прощальномъ бенефисѣ въ Парижѣ весною 1837 года J. Janin въ «Journal des Débats» писалъ:

«Прощай еще разъ, танцующая тѣнь, которая была нашей невинной радостью, нашей чистою страстью, нашимъ безупречнымъ удовольствіемъ!» **).

О цвѣточныхъ подношеніяхъ на этомъ спектаклѣ, тотъ же авторъ писалъ: «Не спрашивайте, что сдѣлали съ весною этого года, ее бросили къ ногамъ m-lle Тальони!» ***).

Но парижане напрасно навсегда прощались со своей феей: весною 1840 года она вновь танцевала въ Парижской Оперѣ съ тѣмъ же полнымъ и единодушнымъ успѣхомъ.

Интересную легенду написалъ J. Janin въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ незадолго передъ ея выходомъ. Приводимъ выдержки изъ нея по переводу, помѣщенному въ «Репертуарѣ Русскаго Театра» того же года.

«Въ глухую полночь, въ часъ призраковъ и видѣній, прилетаетъ въ Большую Оперу страдальческая тѣнь и жалобно вьется по корридорамъ театра. Тѣнь эта еще

*) Для чего ты насъ покидаешь? Развѣ мы тебѣ причинили обиду? Развѣ мы украсили твое чело недостаточно лучезарными вѣнками? Развѣ слѣдъ твоей легкой ноги не былъ достаточно усыпанъ золотомъ и цвѣтами?

**) «Adieu encore, ombre dansante qui était toute notre joie innocente, notre chaste passion, notre plaisir sans remords».

***) «Ne demandez pas ce qu'ont fait du printemps de l'année, on l'a jeté aux pieds de m-lle Taglioni».

Марія Тальони. Литографія по рис. Belliard.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

легче обыкновенныхъ тѣней. Она блѣдна и прозрачна. Она вьется не касаясь до пола. Откуда берется этотъ призракъ, этотъ танцующій дымокъ? Чего хочетъ туманная дѣва? О чемъ она ропщетъ? Тише, вотъ она! Притаимся и послушаемъ!»

«Распахнись, говоритъ Тѣнь, непреклонной двери. Я принеслась издалека, со льдистыхъ береговъ, изъ снѣжныхъ равнинъ. Я сбросила пушистую шубу, покинула морозы, которые скрипѣли мнѣ пѣсни и таяли отъ моего обаянія. Отопрись! Распахнись! Мнѣ холодно здѣсь въ часъ полуночи!». Далѣе Тѣнь умоляетъ впустить ее, грозитъ разбудить городъ, сказавъ свое имя, услыша которое «юноши прервутъ сонъ любви, дѣвы покинутъ ложе нѣги..., поэты которымъ я была идеаломъ и музой», всѣ прибѣгутъ и закричатъ: «отворись». Она напоминаетъ двери какъ: «Зала загоралась огнями при моемъ появленіи, какъ красавицы, цвѣты и камни блистали въ ней ожидая лучей моихъ глазъ, дуновенья моихъ крылъ? Какъ тысяча рукъ хлопали и тысячи голосовъ кричали: вотъ она! вотъ она! наша богиня! при одномъ шелестѣ листьевъ цвѣтка, при легкомъ колебаніи занавѣса?»...

«Такъ плачетъ скорбная Тѣнь и въ отчаяніи ломаетъ эфирныя крылья и поникаетъ главою, и съ головы ея падаетъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ и незабудокъ»...

Все напрасно: «Дверь неумолима, она вышла изъ повиновенія прежней царицы! Новые геніи заняли престолъ ея... И она скорбно произноситъ имя, которое прославила, порхая по тонкой паутинѣ разостланной невидимо въ воздухѣ волшебницей Титаніей; имя, отъ котораго бились всѣ сердца, имя звучное, прекрасное имя, и только эхо вторитъ за нею: — Тальони!».

Такъ заканчиваетъ авторъ свою поэтическую сказку, забывая добавить, что, вѣроятно, произнесенное имя заставило распахнуться жестокую дверь Оперы и Тальони, какъ мы уже сказали, во время отъѣзда изъ Петербурга на лѣтнее время выступила снова въ своемъ Парижѣ, въ своей лучшей роли Сильфиды. Энтузіазмъ публики былъ все такой же и, по шуточному замѣчанію тогдашняго рецензента, у соперницы ея Фанни Эльслеръ, находившейся въ то время въ Америкѣ, отъ зависти «поблѣднѣли ноги».

Тальони и по окончательномъ возвращеніи изъ Россіи выступала въ Парижѣ до 1844 года все съ тѣмъ же неизмѣннымъ успѣхомъ. Противъ обыкновенія, парижане остались до конца вѣрны своему кумиру, и когда въ 1858 году разнесся слухъ, что на дебютѣ восходящей звѣзды Эммы Ливри, сама Сильфида выступитъ еще разъ на сценѣ, весь театральнй Парижъ пришелъ въ волненіе. Но слухъ этотъ оказался невѣренъ. Артистка окончательно распростилась со сценою еще въ 1847 году, танцуя послѣднее время въ Лондонѣ. Въ этомъ году исполнилось ровно 25 лѣтъ ея сценической дѣятельности, и она дала своему зятю кн. Трубецкому (онъ былъ женатъ на ея дочери) слово никогда не выступать болѣе на сценѣ. И теперь она ограничилась постановкою для Ливри балета «Le Papillon», съ любовью наставляя юную артистку и говоря ей: «Faites moi oublier, mais ne m'oubliez pas».

Окончивъ свою сценическую карьеру, и поправивъ свои дѣла, Тальони еще въ 1843 году *) купила себѣ palazzo

*) Въ этомъ году она съ большимъ успѣхомъ танцевала въ Миланѣ, гдѣ въ это время восходила новая звѣзда — Черрито. Въ честь Тальони даже была выбита медаль изъ бронзы.

Марія Тальони. Литографія изъ альбома E. Chalon — Six sketches.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

въ Венеціи и виллу на озерѣ Комо, гдѣ и поселилась на покой. Къ сожалѣнію, судьба къ ней не благоволила. Второй разъ въ жизни она испытала раззореніе и подѣ конецъ своей жизни была принуждена давать уроки въ Лондонѣ и Парижѣ. Умерла она въ Марселѣ, 23 Апрѣля 1884 года, въ день своего рожденія, 80 лѣтъ отъ роду.

Въ своей долгой жизни она испытала великую славу и большія неудачи. Блескъ всемірной славы, рабодѣнное поклоненіе толпы, богатство и роскошь, смѣнились скоро горемъ, забвеніемъ и нищетою, но то пониманіе чистаго искусства, которое она своими танцами дала современникамъ, надолго пережило ее и заставляетъ до сихъ поръ съ благодарностью помнить имя великой художницы и артистки. Тальони безпредѣльно любила свое искусство и выше всего цѣнила въ танцахъ грацію. Эту грацію, поэзію танца она желала видѣть и въ другихъ, предъявляя весьма строгія требованія къ современнымъ ей танцовщицамъ.

Любопытно ея письмо *) къ друзьямъ въ Лондонѣ по поводу постановки для Фанни Эльслеръ новаго балета «Островъ Пиратовъ», не имѣвшаго никакого успѣха; Тальони высказываетъ въ немъ свой взглядъ на этотъ балетъ, весьма сдержанно отзываясь о своей всегдашней соперницѣ Эльслеръ. Ей въ упрекъ она ставитъ только участіе съ мечемъ въ рукѣ въ сценѣ фехтованія, находя это неизящнымъ и неграціознымъ для женщины.

Отношенія Тальони къ своимъ ученицамъ были самыя трогательныя и она сохраняла съ ними лучшія отношенія. Выше мы видѣли ея заботы о Эммѣ Ливри, въ которой она видѣла свою замѣстительницу и которая

*) Письмо это находится въ собраніи С. Н. Худякова, и съ любезнаго разрѣшенія владѣльца напечатано въ приложеніи.

такъ рано и трагически погибла, получивъ на репетиціи новаго балета смертельные ожоги. Передъ нами ея письмо отъ 14 января 1866 года *). Она писала его редактору одного парижскаго журнала по поводу появившейся въ немъ замѣтки о предстоящемъ возобновленіи «Dieu et la Bayadère», гдѣ должна была выступить ученица Тальони m-lle Salvioni. Въ замѣткѣ съ восторгомъ вспоминалась сама Тальони въ этой роли, о дебютанткѣ же отзывъ былъ не особенно благопріятный. Тальони сочла долгомъ вступить за свою ученицу. Она пишетъ, что сама руководила ею при прохожденіи этой роли, которая является однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ ея воспоминаній (*d'une role qui restera l'un de mes plus chers souvenirs*). Она говоритъ, что въ своей ученицѣ она видѣла возрожденіе самой себя (*il me semblait parfois revivre en elle*), и хотѣла представить это на судъ публики. Она считаетъ, что предварительная замѣтка можетъ повредить Salvioni и взывая къ безпристрастію издателя, просить его напечатать это письмо.

Мы видимъ съ какою трогательною нѣжностью Тальони относится къ своей ученицѣ, какъ она хочетъ чтобы ея талантъ воплотился въ преемницѣ и въ лицѣ ея былъ бы новою славою для самой учительницы—«Заставьте меня забыть, но не забывайте меня», повторимъ ея слова, обращенныя ею къ Эммѣ Ливри.

*) Изъ собранія В. А. Трефиловой-Соловьевой.

Марія Тальони. Литографія по рисунку художника Deveria.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

Сцена из балета „Abend eines Rajah“. Литографія из альбома 1826 года.

III.

Въ Петербургъ Тальони пріѣхала осенью 1837 года въ самый разгаръ своей сценической дѣятельности, окруженная ореоломъ всемірной славы и поклоненія. Петербуржцы давно жаждали видѣть у себя знаменитую артистку, прославленіемъ которой были полны иностранныя газеты. Одни уже видѣли ее въ Парижѣ, другіе слышали о дивныхъ танцахъ божественной Сильфиды изъ устъ знакомыхъ, побывавшихъ за границей. Еще

осенью (3 окт.) 1829 г. А. И. Тургеневъ писалъ Жуковскому о своей жизни въ Парижѣ:

«Въ театрѣ я слышалъ «Вильгельмъ Телля», и видѣлъ чудесныя ножки m-lle Taglioni, и прелестную швейцарскую природу en peinture». (Тальони исполняла въ этой оперѣ тироольскій танецъ, специально для нея написанный Россини).

Холодная и суровая невяская столица оказалась гостепріимнымъ уголкомъ для заморской птички, свившей въ немъ довольно прочное и долговременное гнѣздышко. Тальони танцовала у насъ 5 сезоновъ, пріѣзжая въ сентябрѣ и уѣзжая съ наступленіемъ поста за границу для лѣтнихъ гастролей въ Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Танцовала она у насъ очень часто, обыкновенно черезъ день, и за все время успѣла станцовать около 200 разъ (самое большее количество разъ — 55 въ сезонъ 1838 - 9 годовъ). Мы уже говорили о громадномъ окладѣ, который получала она съ отцемъ, достигавшемъ цифры 32.442 рублей, кромѣ 5 бенефисовъ, 3-хъ для нея и 2-хъ для ея отца. Сумма эта особенно велика по сравненію съ тѣми грошевыми окладами, которые получали тогда казенные артисты, даже изъ наиболѣе извѣстныхъ.

Раздавались иногда голоса и противъ такой безумной траты денегъ, какъ и противъ покровительства дирекціи иноземнымъ талантамъ въ ущербъ собственнымъ (См., напр., записки Храповицкаго въ «Русской Старинѣ» 1879 г.; Храповицкій былъ начальникомъ репертуара съ 1829-39 г.). Къ тому же Императорскіе театры приносили въ то время громадныя убытки и, на примѣръ даже въ такой блестящій годъ какъ 1841, когда театры еще ломились на представленія Тальони, убытки эти достигли громадной суммы 246.739 рублей. Но голоса эконо-

*Мари́я Тальони. Сцена из балета „Сильфида“. Оригинальный рисунок
карандашомъ П. Басина.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).*

ныхъ патриотовъ были единичны. Весь Петербургъ съ нетерпѣніемъ ждалъ желанной гостѣи, утомившись однообразнымъ репертуаромъ доморощенныхъ танцорокъ.

«Сынъ Отечества» и «Сѣверная Пчела» еще съ начала года трубили о предстоящемъ торжествѣ петербургскихъ театраловъ и помѣщали самые лестные отзывы о прѣзжающей артисткѣ.

Задолго до ея прѣзда книгопродавецъ Лисенковъ объявилъ о продажѣ ея портрета и продавалъ его съ большимъ успѣхомъ.

По словамъ современниковъ, уже съ начала осени сказалось ожиданіе небывалаго театральнаго торжества, и всѣ театры очень неохотно посѣщались публикою. Экономные Петербуржцы копили деньги на спектакли знаменитой гостѣи (цѣны объявлены были возвышенныя) и заранѣе предвкушали предстоящее наслажденіе. Князь В. Ф. Одоевскій писалъ въ Парижъ М. Волкову, 14 мая 1837 года: «...высылайте намъ поскорѣе изъ Парижа Тальони, скажите французамъ: Que nous avons fail-li attendre, какъ говаривалъ Людовикъ XIV-й».

1-й выходъ Тальони назначенный на 3-е сентября, былъ перенесенъ потомъ на 6-е, что еще болѣе подзадорило театраловъ. По выраженію очевидца, весь «городъ пришелъ въ волненіе» и залъ Большого Театра былъ наполненъ избранною публикой. Встрѣча артистки въ балетѣ «Сильфида» была самая торжественная, аплодисменты гремѣли во все время спектакля и артистку вызывали большое количество разъ. По этому поводу Каратыгинъ въ своихъ воспоминаніяхъ замѣчаетъ, что публика какъ бы впередъ, на вѣру приняла похвалы артисткѣ иностранныхъ журналовъ и встрѣтила ее очень восторженно; въ противоположность этому, по его сло-

вамъ, впоследствии Фанни Эльслеръ была встрѣчена въ 1-й разъ гробовымъ молчаніемъ и только въ теченіе вечера, своими танцами покорила публику. Это даетъ поводъ автору воспоминаній посѣтовать на капризность и непослѣдовательность петербургскихъ театраловъ.

Вотъ что писали театральные рецензенты о этомъ первомъ дебютѣ:

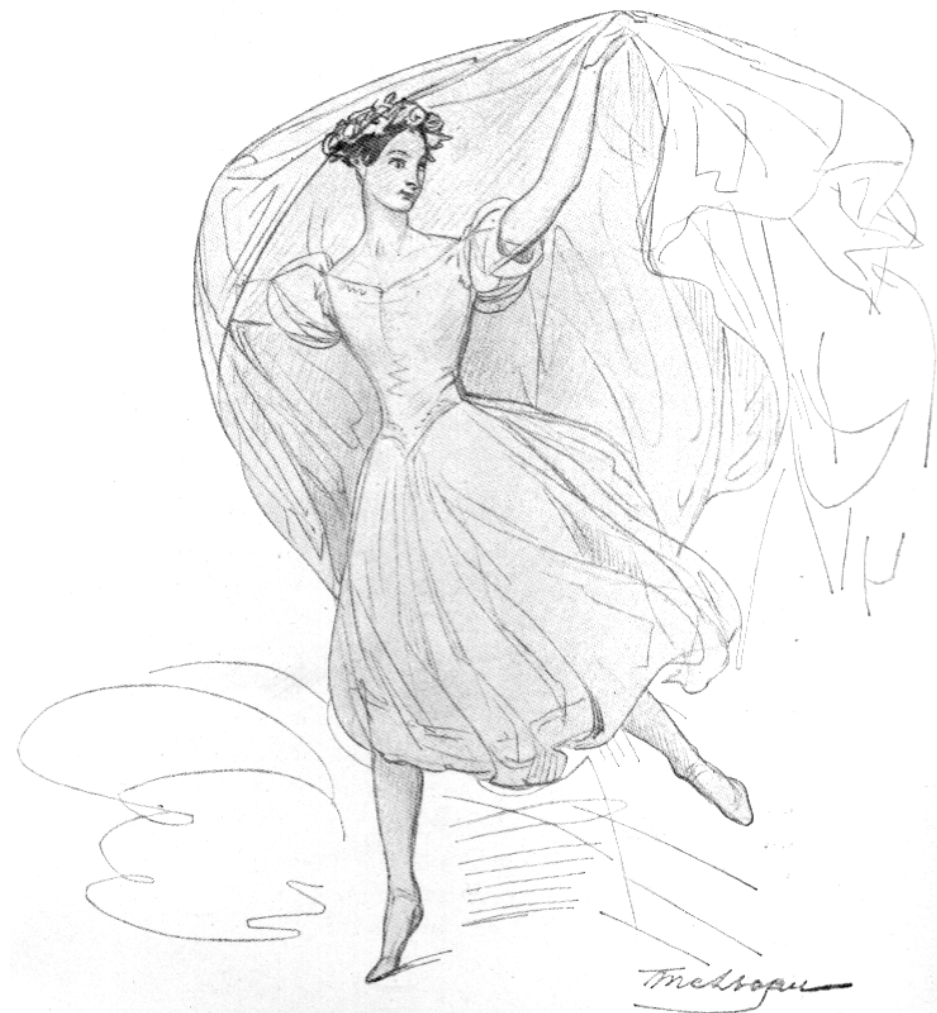
«Вчера 6 Сентября дебютировала г-жа Тальони въ Сильфидѣ и вполне оправдала ожиданія публики, встрѣчавшей и провожавшей ее громкими и единодушными рукоплесканіями. Г-жа Тальони была вызвана по окончаніи 1-го акта, послѣ танцевъ во 2-мъ дѣйствіи и 3 раза по окончаніи балета». Эта довольно сдержанная рецензія «Сѣверной Пчелы» смѣнилась черезъ нѣсколько дней другой, уже болѣе восторженной:

«Идеаль граціи, идеаль танца, идеаль пантомимы, вотъ Тальони. Въ ней сплетены, какъ розовые цвѣты ея вѣночка, достоинства высокой драматической игры съ совершенствами первоклассной танцовщицы. Каждая ея поза, малѣйшее движеніе, достойны кисти художника и производятъ живѣйшіе восторги...»

«Во второмъ дѣйствіи Тальони танцуетъ...»

«Неужели этотъ танецъ сопряженъ съ трудностями, неужели эти воздушныя па выучены и вытвержены? Здѣсь въ каждомъ жестѣ, въ каждомъ колебаніи стана кроется роскошная поэма. Мысли пламенные, нѣжныя, уничтожающія и возвышающія душу, передъ Вами безъ словъ искрятся, изъ ея выраженія лица, изъ ея жгучихъ глазъ».

«Крылатая, увлекательная мечта, неуловимая и неопредѣленная, играетъ и рѣзвится въ вашихъ глазахъ; мечта прозрачная и нѣжная какъ крылышки Сильфиды,

Марія Тальони въ балетъ «Сильфида». Оригинальный рисунокъ П. Басина.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

прихотливая какъ женщина, обликъ которой она приняла, восхитительная какъ Тальони».

Про 2-й балетъ съ участіемъ Тальони — «Возстаніе въ Серафѣ», «Сѣверная Пчела» говорила:

«Никакая поэзія не можетъ сравниться съ поэзіей воздушныхъ па и граціозныхъ движеній Г-жи Тальони!»... «Она не танцуетъ, а поетъ, какъ скрипка Паганини, рисуетъ, какъ Рафаель».

«Нѣтъ балетовъ, ни балетмейстеровъ, ни танцевъ, есть Тальони и этого довольно!»... «Она танцуетъ, какъ соловей поетъ, какъ бабочка летаетъ, это языкъ ея, это ея жизнь, ея счастье».

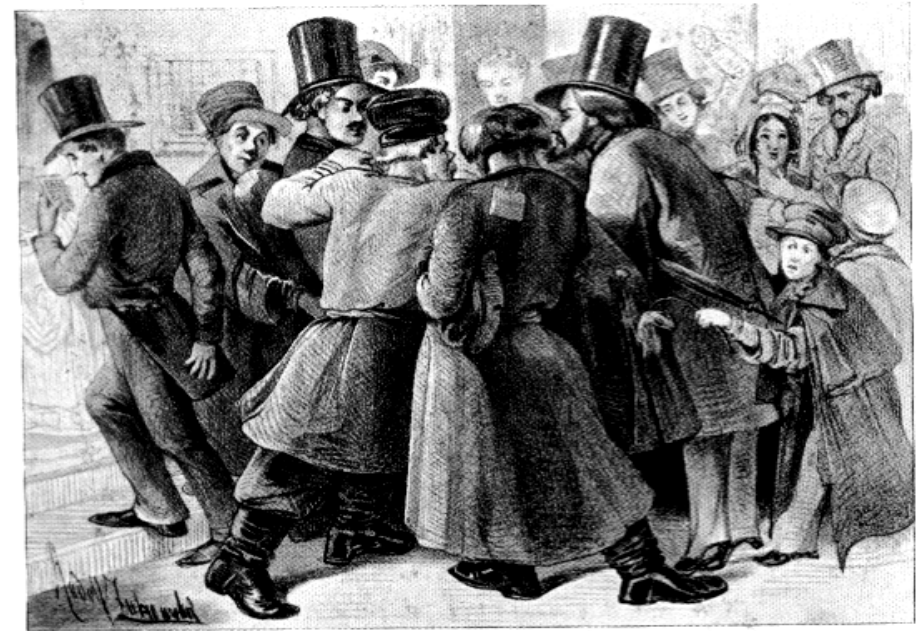
Она выходила раскланиваться «скромная, стыдливая, кроткая», заканчиваетъ авторъ свою поэтическую рецензію, на каковую всегда настраивала артистка своихъ критиковъ, вдохновляя ихъ поэзією своего танца.

Съ этихъ поръ успѣхъ Тальони въ Петербургѣ былъ обезпеченъ. Трудно сказать въ чемъ она больше всего нравилась публикѣ. По выраженію рецензента «Художественной Газеты» 1838 года: «слава ея выше славы Рубини, Каратыгина» и другихъ знаменитостей того времени. Билеты на ея спектакли брались съ бою и не быть на нихъ считалось признакомъ дурного тона.

Большая зала театра наполнялась самой изысканной публикой, тогда какъ другіе театры, даже на особенно интересныхъ спектакляхъ, совершенно пустовали. Въ обществѣ только и было разговору, что о ней и ея танцахъ, и до тѣхъ поръ, несомнѣнно, о такой популярности у насъ не знали.

Спектакли Тальони составили новую эру въ театральной жизни Петербурга и послужили началомъ цѣлаго ряда новыхъ обычаевъ. При ней впервые стали подно-

сить артисткамъ цвѣты, ей первой стали аплодировать дамы, до тѣхъ поръ считавшія это неприличнымъ, ее вызывали иной разъ свыше 10 разъ, что также было новостью и что даже вызывало иногда осужденія въ чрезмѣрномъ докучаньи артисткѣ. Моралистъ Булгаринъ

Въспом. по Р. Жуковскому

Театральная касса.

СЕГОДНЯ ТАЛѢІОНОВА. ЗНАТНАЯ ПЕСА
СТОИТЬ ПОГЛЕДѢТЬ.

Въсп. по Р. Жуковскому

Литографія по рисунку Р. Жуковскаго изъ альбома:
«Scènes populaires russes».

искренно возмущался тѣмъ, что: «юноши ниже офицерскаго чина дерзаютъ вопить и стучать ногами». Тѣмъ не менѣе они «дерзали» и театръ иной разъ дрожалъ отъ неистовыхъ криковъ и рукоплесканій увлекающихся

*Марія Тальони въ балетѣ «Сильфида». Оригинальный рисунокъ П. Басина.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).*

«Тальонистовъ», какъ ихъ тогда уже называлъ Каратыгинъ въ своемъ водевилѣ «Ложа 1-го яруса».

Извѣстный художникъ Рудольфъ Жуковскій, въ своихъ литографированныхъ сценахъ изъ Петербургской жизни изобразилъ моментъ продажи билетовъ на спектакль Тальони.

Самая разношерстная публика толпится передъ кассою Большого театра. Всѣ стараются достать билетъ на спектакль «Г-жи Тальоновой», какъ называли артистку въ среднихъ классахъ петербургскаго общества, съ трудомъ пробираясь къ кассѣ, давя и толкая другъ друга. Характерная сцена изображена талантливымъ художникомъ превосходно. Кого только нѣтъ въ этой толпѣ! Тутъ и баринъ, и сидѣлецъ изъ лавки, посланный за билетомъ, тутъ и извозчикъ съ номеромъ за спиною, особенно настойчиво и грубо расталкивающий толпу. Два подростка — воришки пользуются тѣсною, чтобы залѣзть въ карманы увлекшихся «балетомановъ». Въ сторонѣ удаляется счастливецъ получившій уже мѣсто, радостно разсматривая билетъ и какъ бы мало вѣря своей удачѣ.

Какъ примѣръ овладѣвшей всѣми страсти къ балету, можно привести любопытный рассказъ внучки извѣстнаго писателя и миссіонера архимандрита Іакинфа Бичурина въ ея воспоминаніяхъ, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» 1888 года. Она рассказываетъ о томъ, какъ отецъ Іакинфъ, не смотря на свой монашескій санъ, не могъ пересилить неодолимаго желанія видѣть Тальони, о которой всѣ такъ кричали, и съ большимъ рискомъ для себя, при помощи родныхъ, рѣшился все таки пріѣхать въ закрытую ложу на балетъ «Дѣва Дуная».

Храповицкій, о которомъ мы уже говорили, пишетъ: («Русская Старина» 1879 г.) «надо было видѣть какъ

такъ называемые россияне спѣшили закладывать послѣднее свое скудное имѣніе, чтобы только имѣть счастье принести свои деньги въ бенефисъ Тальони, которыхъ она имѣла 3, да отецъ ея столько же, и всякій, такъ называемый порядочный человѣкъ, встрѣтаясь съ подобнымъ себѣ стыдился если онъ пропустилъ какое нибудь представленіе. Оперная труппа совсѣмъ упала, одна Тальони дѣлала сборы».

«Цѣлыя двѣ недѣли, читаемъ мы въ «Сѣверной Пчелѣ» отъ 9 Декабря 1837 года, опять больна Тальони, 2 длинныя, скучныя, безконечныя недѣли, и во все это время Петербургъ страдаетъ жестокимъ сплиномъ. Другія артистки старались развлекать публику, но все напрасно». Она снова выступила, съ перевязанной еще шелкомъ рукою, и Петербургъ снова оживился и просіялъ.

Какъ и въ другихъ городахъ Европы, Тальони была принята во многихъ домахъ Петербурга и вездѣ оставляла обаятельное впечатлѣніе своею скромною и интеллигентною личностію.

Въ дневникѣ А. Никитенко, подѣ 28 Декабря 1838 г., значится («Р. Ст.» 1889 г.):

«Былъ у Греча, видѣлъ Тальони, она не хороша собой, но очень мила и скромна».

И это впечатлѣніе было одинаково на всѣхъ, близко знавшихъ артистку внѣ сцены.

Императоръ Николай I, большой любитель театра, особенно въ первую половину своего царствованія, былъ искреннимъ дѣнителемъ таланта прекрасной артистки и не пропускалъ почти ни одного спектакля съ ея участіемъ. Онъ представилъ ее императрицѣ и постоянно призывая въ ложу, бесѣдовалъ съ ней. На одномъ изъ ея первыхъ выходовъ, онъ даже противъ этикета вы-

Марія Тальони. Сцена изъ балета „Дѣва Дуная“. Оригинальный рисунокъ карандашемъ П. Басина.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

шелъ изъ ложи и помѣстился въ первомъ ряду креселъ, чтобы лучше видѣть сцену и не пропустить ни одного движенія граціозной артистки. Съ собой рядомъ онъ посадилъ и Вел. Кн. Михаила Павловича. По его личному желанію въ царской ложѣ была поставлена статуэтка Тальони, честь, которой не часто удостоивались артисты.

Интересно, что императоръ Николай, такой цѣнитель таланта Тальони и покровитель ея успѣха у публики, черезъ 10 лѣтъ совершенно иначе отнесся къ успѣхамъ другой балетной знаменитости Фанни Эльслеръ, безумный успѣхъ которой въ Москвѣ вызывалъ его строгое порицаніе и недовольство. Времена были уже другія.

Положеніе, которое занимала Тальони въ труппѣ императорскихъ театровъ было совершенно исключительное, отчасти ввиду именно этого отношенія къ ней императора, отчасти вообще ея хорошему характеру и отличнымъ отношеніямъ съ директоромъ театровъ Гедеоновымъ. Она пользовалась всегда самымъ предупредительнымъ обращеніемъ съ ней начальства и Головачева-Панаева, дочь извѣстнаго артиста Брянскаго, въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ о своемъ пребываніи въ театральномъ училищѣ:

«Пріѣхала въ Петербургъ знаменитая балерина Тальони со своимъ отцомъ, маленькимъ старичкомъ и являлась къ намъ въ школу упражняться. Директоръ и другіе чиновники очень ухаживали за иностранкой». Въ видѣ исключенія имъ даже постоянно полагался послѣ танцевъ завтракъ. «Тальони, продолжая Головачева, была очень некрасива, худенькая - прехуденькая съ маленькимъ желтымъ лицомъ въ мелкихъ морщинахъ. Я краснѣла за воспитанницъ, которыя послѣ танцевъ окру-

*Марія Тальони въ балетѣ Гитана. Оригинальный рисунокъ П. Басина.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).*

жали Тальони и придавая своему голосу умиленное выражение, говорили ей: «какая ты рожа, какая ты сморщенная!» Тальони, воображая, что ей говорит комплименты, кивала имъ съ улыбкою головою и отвѣчала «merci, mes enfans».

Другая современница, артистка Е. Шубертъ, въ своихъ воспоминаніяхъ («Ежег. Имп. Театр.» 1911 г. кн. IV), пишетъ: «былъ въ то же время балетмейстеромъ и старикъ Тальони, отецъ знаменитой балерины, танцовавшей въ Петербургѣ».

«Помню и ее самое: она вѣдила каждый день въ школу танцовать и по вечерамъ бывала на репетиціяхъ. Мы смотрѣли на нее, какъ на божество. Красавицей ее нельзя было назвать, но у нея были чрезвычайно изящныя манеры и вся она была какая то воздушная».

Всеобщее увлеченіе Тальони и успѣхъ ея танцевъ вызвали, естественно, особое увлеченіе танцами вообще, и молодежь Петербурга ревностно принялась за изученіе танцевальнаго искусства. Въ берлинской газетѣ «Moden-spiegel», отъ 21 Мая 1842 г., читаемъ извѣстіе, что Тальони сама написала музыку гавота, изданнаго подъ названіемъ «Taglioni-Gavott», который исполнялся въ Петербургѣ 120-ю дѣвочками въ розовыхъ костюмахъ подъ личнымъ руководствомъ самой артистки. Газета сообщаетъ далѣе совершенно невѣроятное извѣстіе о томъ, что ноты выдержали въ Россіи въ 3 мѣсяца 22 изданія. Гавоть этотъ, по словамъ того же источника, былъ изданъ и въ Лондонѣ съ изображеніемъ 120 танцовщицъ на обложкѣ и продавался по 2 фунта за экземпляръ.

Мы видѣли, что еще до пріѣзда Тальони портретъ ея уже продавался въ Петербургѣ. Ко дню ея 1-го вы-

хода «Сѣверная Пчела» приложила также ея изображеніе. Изъ за границы выписаны были и другіе портреты, которыхъ, какъ мы видѣли было очень много, и распродавались очень успѣшно. Русскіе художники, конечно, также не могли не вдохновиться великой артисткой и запечатлѣли для насъ ея черты въ нѣсколькихъ превосходныхъ рисункахъ. Мы воспроизводимъ здѣсь прелестную литографію Разумихина по рисунку художника А. Зеленскаго, изображающую Тальони въ «Дѣвѣ Дуная», балетѣ имѣвшемъ у насъ, по словамъ современника, «неимовѣрный успѣхъ». Сходство этого портрета было отмѣчено современниками (см. «Худ. Газ.» 1838 г.) и прекрасная литографія представляетъ собою большую рѣдкость.

Еще интереснѣе оригинальные рисунки извѣстнаго художника П. Басина, отлично исполненные и изображающіе Тальони въ разныхъ роляхъ. Они находятся въ коллекціи В. А. Трефиловой-Соловьевой въ Петербургѣ. Рисунковъ этихъ 5, они были исполнены художникомъ съ натуры въ его собственномъ альбомѣ и никогда не были изданы. Въ рѣдчайшемъ и красивомъ изданіи «Театральный Альбомъ», 1842 года, помѣщены литографированные портреты извѣстныхъ артистокъ и сцены изъ ихъ лучшихъ ролей. Въ немъ находится 2 листа со сценами изъ балетовъ «Тѣнь» и «Озеро Волшебницъ», въ исполненіи Тальони, на 1-й изъ нихъ находится маленькій портретъ артистки рисованный, какъ и сцены, извѣстнымъ В. Тиммомъ. Можно думать, что въ альбомѣ находился и большой портретъ Тальони, такъ какъ при всѣхъ другихъ сценахъ находятся и большія изображенія главныхъ артистовъ, но, къ сожалѣнію, полного экземпляра этого рѣдкаго изданія неизвѣстно, въ тѣхъ же,

которые имѣются въ частныхъ собраніяхъ, такого портрета нѣтъ. Извѣстна еще хорошенькая гравюрка Райта по рисунку Кили, изображающая ножку Тальони, къ которой кн. П. Вяземскій написалъ извѣстные стихи:

«Прости волшебница, Сильфидой мимолетной
«Она за облака взвилась, счастливый путь!
«Но проза здѣсь на зло поэзіи безплотной,
«Скажите, для чего крыло въ башмакъ обуť?»

Внизу гравюры надпись: «Pourquoi chausser une aile?».

Вообще, въ стихахъ, посвященныхъ знаменитой артисткѣ не было недостатка и у насъ, и если Пушкинъ воспѣвалъ когда то Истомину, танцы которой, по свидѣтельству современниковъ (смотри въ Воспоминанія Пржецлавскаго въ Русской Старинѣ 1874 г.), отличались болѣе силою чѣмъ граціею, и фигура которой была достаточно груба и тяжеловѣсна (см. записки Головачевой), то, несомнѣнно талантъ Тальони, такой близкой и родственной его поэзіи, нашелъ бы въ нашемъ портѣ самаго вѣрнаго поклонника, и не одну строчку своихъ дивныхъ твореній онъ посвятилъ бы этой дивной художницѣ, своему собрату по искусству..

Но Пушкинъ умеръ въ началѣ 1837 года, Тальони пріѣхала къ намъ только въ концѣ его...

Изъ стихотворныхъ произведеній, посвященныхъ Тальони, кромѣ приведеннаго стихотворенія Вяземскаго, любопытна еще, хотя и не по своему литературному достоинству, поэма подъ названіемъ: «Тальони — Грація», сочиненіе М. Поднебеснаго. Брошюрка изъ 4-хъ страничекъ въ 16-ю долю, съ небольшою виньеткой, безъ особаго заглавнаго листа. Цензурная пометка: 24 Декабря 1837 года, цензоръ С. Куторга. Вотъ эти стихи:

ТАЛЬОНИ — ГРАЦІЯ.

Мы видимъ чудо изъ чудесъ!
Слетѣла Грація съ небесъ,
Европу всю обворожила
Своей волшебною игрой,
Движеній чудною красой,
И въ танцахъ идеалъ явила.

Смотри въ на Грацію — восторгъ!
Шаги, прыжки и всѣ движенія —
Языкъ плѣнительный безъ словъ,
Языкъ любви и вдохновенія.
Кто въ танцахъ выразитъ живѣй
Восторгъ любви и пылъ страстей?

Является ли дѣва рая
Гитаной, дѣвою Дуная
Качучей — дочерью степей,
Или волшебницей Сильфидой:
Плѣнительна во всякомъ видѣ!
Все Грацію мы видимъ въ ней!

Смотрите, какъ она порхаетъ
На крылышкахъ или безъ крыль,
Игриво, плавно, какъ зефиръ;
То граціозно станъ сгибаетъ,
То ножкой легкою махнетъ,
То ножкой ножку нѣжно бьетъ;
Какъ вихрь, на пальчикѣ кружится,
И вдругъ, какъ статуя стоитъ.
Вотъ мигъ — списать... не шевелится;
И вдругъ вспорхнеть и полетитъ.
Къ кому то руки простираетъ,
Улыбкою любви даритъ,
И пантомимой говорить.
Подругъ воздушныхъ призываетъ,
Въ восторгѣ пламенныхъ страстей!
Вотъ Грація танцуютъ съ ней
По лирѣ сладкой Аполлона,
Внимая звукамъ съ Геликона.

Кругомъ крылатые божки
Бросають стрѣлы и вѣйки.
Въ богахъ мы видимъ совершенство,
И чувствуемъ при нихъ блаженство...
О Грація! не улетай
Къ богамъ въ эфирные чертоги!
Игрой народы восхищай!
Земля твои лобзаетъ ноги!!!

М. Поднебесный.

П. Каратыгинъ, въ своемъ извѣстномъ водевилѣ
«Ложа I-го яруса на бенефисъ Тальони», заставлялъ арти-
стовъ пѣть:

«Тальони прелесть, удивленье,
Такъ неподдѣльно хороша,
Что у нея въ простомъ движеніи
Замѣтна дивная душа.
Она плѣняетъ умъ и чувство
Своею граціей живой
И въ ней натура и искусство
Соединились межъ собой.
Объ ней не рассказать словами,
Не обсудить ее умамъ,
Что говорить она ногами;
Того не скажешь языкомъ».

Водевилъ этотъ былъ поставленъ впервые въ бене-
фисъ автора въ Апрѣлѣ 1838 года и имѣлъ громадный
успѣхъ. Это была единственная пьеса, кромѣ балетныхъ
спектаклей, которая дѣлала сборы, и то главнымъ обра-
зомъ потому, что она была связана съ именемъ люби-
мой артистки. Впрочемъ, и по содержанію она была
интересна тѣмъ, что въ ней были выведены живыя
лица, извѣстныя современникамъ, портреты, взятые прямо

изъ жизни, — что скоро уже было строжайше запре-
щено, но это были еще послѣдніе дни относительной
литературной свободы въ Россіи.

Успѣхъ водевиля былъ огромный, на него было почти
такъ же трудно попасть, какъ и на самый бенефисъ Таль-
они и въ теченіе 1-го сезона онъ былъ данъ 37 разъ.
Съ годами успѣхъ его, конечно, падалъ, особенно послѣ
отъѣзда Тальони, тѣмъ не менѣе онъ еще продержался
до 1847 года, и всего выдержалъ около 100 представленій.
Императору Николаю очень нравилась эта пьеса, и, по
словамъ Каратыгина, однажды онъ приказалъ поставить
ее специально для себя въ субботу, когда вообще рус-
скихъ спектаклей не полагалось. Позднѣе эта пьеса была
поставлена на домашнемъ спектаклѣ въ Гатчинскомъ
дворцѣ при непосредственномъ участіи въ постановкѣ
самого императора.

Въ 1837 году вышла небольшая книжка подъ на-
званіемъ: «Біографія Тальони. Прощаніе Парижа съ
Сильфидою, стихотворенія извлеченныя изъ ея альбома»
(тоже по французски) *).

Въ ней помѣщены біографическія свѣдѣнія объ ар-
тисткѣ на русскомъ и французскомъ языкахъ, выдержка
изъ журнала «La Psyche»: «Прощаніе съ Сильфидой», и
нѣсколько французскихъ стиховъ въ ея альбомѣ, изъ
которыхъ выдержки мы приводили выше.

Композиторы, какъ и художники, посвящали ей свои
произведенія, и мы имѣемъ цѣлый рядъ нотъ съ посвя-
щеніями Тальони или съ ея портретами на обложкахъ,

*) Рецензія о этой книгѣ помѣщена въ «Библ. для Чтенія»
1838 г., гдѣ говорится: «никогда не видывали такой смѣшной
книжки».

напримѣръ: гавоть «Лондонскій Почтальонъ», съ портретомъ артистки въ «Дѣвѣ Дуная», Французская кадрили, à la Sylphide», также съ портретомъ и еще многія другія пьесы, поступившія въ продажу у петербургскихъ торговцевъ. Вообще, какъ и за границей, коммерсанты старались использовать моду на Тальони и въ ея честь называли различныя новинки. Какой то предприимчивый кондитеръ додумался до «Пироговъ Тальони», на которыхъ были сахарныя изображенія танцовщицы въ различныхъ роляхъ.

Бюсты и статуетки Тальони продавались въ зданіи Діорамы, на Большой Морской улицѣ, гдѣ находилась зала Физіонотипа, въ которой особымъ способомъ изготовлялись бюсты съ натуры, помощью какой то металлической ваты, накладываемой на лицо. По словамъ газетъ, Тальони лично была тамъ и бюстъ ея былъ сдѣланъ съ натуры. Мы уже приводили восторженные отзывы газетъ о первыхъ дебютахъ Тальони; хвалебныя рецензіи не сходили съ ихъ страницъ и потомъ, во все время пребыванія «Богини граціи» въ Россіи. Какъ только не называли любимую танцовщицу, съ кѣмъ только ее не сравнивали. То въ ней признавали геній, равный Байрону въ поэзіи и Кановѣ въ скульптурѣ, то заявляли, что если бы Тальони появилась на Олимпѣ, то восторженные греки соорудили бы ей храмъ.

Бенефисы ея были праздникомъ для всего города, Булгаринъ писалъ: «Публика въ 1-мъ представленіи Дѣвы Дуная была въ такомъ восторгѣ, какого не видывали ни въ одномъ театрѣ. Такъ торжествуютъ только побѣды или другія счастливыя событія».

О бенефисѣ въ Февралѣ 1838 года нѣкто П. М. писалъ въ «Сѣверной Пчелѣ»:

*Марія Тальони въ балетѣ „Дѣва Дуная“. Литографія Разулихина по рисунку А. Зеленскаго.
(Собр. В. А. Трѣфиловой-Соловьевой).*

«Les bravos dominaient l'orchestre et sa cadence».

«Et puis on se taisait pour écouter la danse».

«Harmonieuse comme un Chant».

«Она такъ эфирна, что въ памяти о ней сохраняются одни изящныя линіи, одни дивныя безплотныя абрисы»... «Она-газъ»... «Она какъ бы продолговатая тѣнь прекрасной женщины»...

На бенефисѣ 16 января 1839 года Тальони протанцовала русскую пляску, одѣтая въ голубой атласный сарафанъ. Восторгамъ публики не было конца...

Про другой бенефисъ того же года (балетъ Тѣнь) «...ій» въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» писалъ: «Новый бенефисъ Тальони и новыя чудеса на сценѣ Большого Театра! Но въ этотъ разъ чудеса превосходятъ уже всякое описаніе: разсказать ихъ всѣ едва ли у кого останется умѣнья».

Мы видимъ, что замѣтки о Тальони появлялись во всѣхъ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ и многіе видные литераторы посвящали ей свои статьи. Особенно много писалъ о ней Ѳ. Кони, замѣтки котораго печатались въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ», въ «Театральномъ альбомѣ» и т. д. По свидѣтельству хроника Вольфа, о Тальони писалъ и самъ Бѣлинскій, между театральными замѣтками котораго встрѣчаются иногда замѣтки о балетѣ (московскомъ). Однако въ полномъ собраніи его сочиненій намъ не удалось найти статьи о Тальони, о которой говоритъ Вольфъ. Къ тому же изъ переписки Бѣлинскаго мы видимъ, что по пріѣздѣ его въ Петербургъ, онъ былъ вообще довольно холоденъ къ театру, особенно къ балету, и хотя признавалъ талантъ Тальони, но относился къ нему очень сдержанно. Онъ писалъ Боткину въ 1840 г.: «видѣлъ Тальони, она лучше

Санковской*), но больше видѣть нѣтъ ни охоты, ни силъ».

Отсутствіе Тальони въ Парижѣ не охладило къ ней и французскихъ поклонниковъ, и въ парижскихъ журналахъ то и дѣло появлялись извѣстія о ея пребываніи въ Петербургѣ. «Сѣверная Пчела» приводитъ для курьеза нѣкоторыя изъ этихъ неправдоподобныхъ извѣстій: (№ 239. 1837).

«Путешествіе дивной Тальони отъ Парижа до Петербурга было дѣльно торжествомъ... Въ Митавѣ ее приняли слѣдующими словами: Мы не хотимъ, чтобы знаменитѣйшая танцовщица на земномъ шарѣ проѣхала черезъ нашъ городъ, не получивъ отъ насъ привѣтствія. Въ Ригѣ толпы любопытныхъ осадили домъ, въ которомъ она остановилась и поднесли ей корзины съ виноградомъ и ананасами. 4 сентября она торжественно вѣхала въ стѣны Россійской столицы окруженная толпою всадниковъ и кавалеровъ, которые выѣхали къ ней на встрѣчу за 4 версты».

Передъ ея дебютомъ, по словамъ парижскихъ газетъ, для нея специально было дано представленіе балета «Сильфиды», въ которомъ она должна была выступить. Когда она вошла въ ложу зрители привѣтствовали ее троекратными рукоплесканіями...

Другой репортеръ договорился до того, что сообщалъ о подаркѣ, сдѣланномъ артисткѣ какимъ то русскимъ княземъ, состоявшемъ изъ саней съ окованными серебромъ колесами!!!

Курьезныя замѣтки о пребываніи Тальони въ Россіи можно найти также въ октябрьскомъ № «Gazette de thé-

*) Санковская — московская танцовщица, которую Бѣлинскій когда то очень хвалилъ въ «Дѣвѣ Дуная». (Полн. Собр. соч. т. 3).

атре» 1837 года, гдѣ говорится, что русскіе мужики, придя въ деревню, рассказывали, что въ театрѣ(!) они видѣли бѣлую фею, входящую въ ложу къ царю.

Къ концу гастролей артистки въ Петербургѣ, т. е. къ 1842 году, успѣхъ ея нѣсколько ослабѣлъ, чему могло быть причиною нѣкоторое однообразіе ея репертуара. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи современники не согласны между собою, и если одни говорятъ о паденіи успѣха, и, нерѣдко, пустыхъ мѣстахъ на ея спектакляхъ (вспоминанія Зотова и др.), то другіе категорически утверждаютъ, что успѣхъ ея до конца былъ такой же, какъ и въ началѣ. Рецензентъ «Репертуара Русскаго Театра» 1840-41 г. пишетъ: «Тальони опять летаетъ на нашей сценѣ съ прежней легкостью и блескомъ и съ прежнимъ успѣхомъ. Все отцвѣтаетъ и старится, даже таланты, но Тальони исключеніе, она измѣняетъ законы природы!».

Пробывъ въ Россіи 5 сезоновъ, Тальони танцевала только въ Петербургѣ. Москвичамъ, такимъ пламеннымъ и восторженнымъ театраламъ не удалось посмотрѣть великую художницу, хотя мы и имѣемъ свѣдѣнія, что тогдашній директоръ московскихъ театровъ М. Загоскинъ входилъ съ ней въ переговоры о гастроляхъ въ Москвѣ черезъ директора петербургскихъ театровъ Геденова. Въ богатой коллекціи театральныхъ автографовъ В. В. Протопопова имѣется крайне любопытное письмо Тальони къ Загоскину по поводу поѣздки въ Москву, дающее намъ вмѣстѣ съ тѣмъ понятіе о томъ нѣжномъ отношеніи артистки къ Россіи, которая по ея словамъ была для нея второй отчизной. Съ любезнаго разрѣшенія владѣльца мы приводимъ это интересное письмо въ оригиналѣ и въ русскомъ переводѣ (Оно еще не было нигдѣ опубликовано):

Господинъ Генералъ,

Его Превосходительство генералъ Геденовъ имѣлъ любезность взять на себя трудъ переговоровъ съ Вами, по поводу моего ангажемента на нѣсколько представленій въ Вашемъ театрѣ; меня, самымъ живѣйшимъ образомъ, и такъ любезно, что я не могла устоять, просили дать нѣсколько представленій въ Москвѣ, и мое желаніе увидѣть этотъ большой и красивый городъ ни мало не противорѣчило рѣшиться на это путешествіе; я даже осмѣлюсь увѣрить Ваше Превосходительство, что я вовсе не думала извлекать выгоду изъ этого путешествія; плата, которая была Вамъ назначена такова, какую я получала во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ, находившихся на моемъ пути, и я дала себѣ обѣщаніе никогда не соглашаться на меньшую, можетъ быть, болѣе по самолюбію чѣмъ по разсудку, (должна сказать также), что ни одинъ директоръ отъ этого не страдалъ, но даже болѣе того, я нѣсколько разъ возобновляла (контракты) со всѣми; я даже скажу, господинъ генералъ, что для Москвы, которая лежитъ совершенно въ сторонѣ отъ моего пути, эта плата въ 3 тысячи рублей за представленіе менѣе велика чѣмъ та, которую я получаю въ нѣмецкихъ городахъ, гдѣ я проѣзжаю мимо, не говоря уже о англійскихъ городахъ, гдѣ я получаю вдвое, а иногда и болѣе. Повѣрьте, господинъ генералъ, что мнѣ тяжело такъ долго говорить о деньгахъ, но свѣтъ уже такъ созданъ; удовольствіе никогда не приходитъ одно; приготовленіе новыхъ балетовъ, которые мы въ настоящій моментъ ставимъ, отнимаетъ всѣ наши мысли, и такъ какъ Его Превосходительство только на дняхъ сообщилъ мнѣ Ваши замѣчанія, и имѣя необходимость впередъ распредѣлить мою лѣтнюю поѣздку между антрепренерами, которые уже меня торопятъ, я имѣю честь просить Ваше Превосходительство отвѣтить мнѣ лично и какъ можно скорѣе согласны ли Вы дать мнѣ 3 тысячи рублей и одинъ бенефисъ, согласно первому предложенію сдѣланному Вамъ генераломъ Геденовымъ; мы могли бы тогда для условія взять тѣ основанія, которыя Ваше Превосходительство набросали въ отвѣтѣ генералу Геденову.

Будьте увѣрены, господинъ генералъ, что въ случаѣ отказа, я все же не буду сомнѣваться въ Вашемъ желаніи, и что я крайне сожалею, что не могла достигнуть съ Вами соглашенія; льщу себя

Сцена из балета „Сильфида“. Съ картины художника Леролле.
(Собр. В. Я. Святлова).

надеждою познакомиться съ Вами, если, конечно, Вы мнѣ это позволите, когда мое желаніе увидѣть Москву, желаніе очень сильное во мнѣ, которая нашла въ Россіи новое отечество, приведетъ меня въ эту столицу по единственной причинѣ любопытства къ городу и къ театрамъ, ввѣреннымъ Вашимъ просвѣщеннымъ заботамъ, и о которыхъ такъ много говорятъ въ Петербургѣ *).

Изъ письма этого мы видимъ, что артистка любила Россію, и цѣнила оказанный ей у насъ приѣмъ. Вообще, съ Россіей ее связывали многія узы. Мы говорили уже, что она выдала дочь за кн. Трубецкого; кромѣ того, въ

Monsieur le Général,

*) «Son Excellence le général de Guedéonoff avait eu la bonté de se charger de négocier auprès de vous mon engagement pour quelques représentations à votre théâtre; j'avais été vivement et d'une façon trop aimable pour ne point céder, sollicitée de donner quelques représentations à Moscou, et mon desir de voir cette grande et belle ville n'avait pas peu contrarié à me décider à entreprendre ce voyage; j'affirmerai même à votre Excellence que je n'ai point du tout pensé à faire une affaire de ce voyage; le prix qui vous a été demandé un celui, que je reçois dans toutes les villes d'Allemagne qui se trouvent sur ma route, et je me suis bien promis de ne m'en jamais départir moins, peut être par amour propre, que par la raison; que jamais aucun directeur n'en a souffert et que loin de là j'ai plusieurs fois renouvelé avec tous; je dirai même, monsieur le général, pardon de vous faire entrer dans tous ces détails, que Moscou, étant tout à fait en dehors de mon chemin, ce prix de trois milles roubles par représentation se trouve être moindre que celui que je reçois dans les villes d'Allemagne ou je passe, sans parler des villes d'Angleterre où je reçois le double et plus quelques fois. Croyez bien, monsieur le général, qu'il m'en coûte de parler si longuement d'intérêt; le monde est ainsi fait, le plaisir ne va jamais seul, les préparatifs des ballets nouveaux que nous montons en ce moment, ayant absorbés toutes nos pensées, et son Excellence m'ayant fait part de vos observations il y a quelques

Петербургъ она нашла своихъ двоюродныхъ сестеръ и братьевъ, дѣтей ея тетки, вышедшей замужъ за русскаго генерала.

jours seulement. Comme il est indispensable que je regle d'avance ma promenade de cet été avec les directions qui pressent déjà, j'ai l'honneur de prier votre Excellence de vouloir bien me répondre directement et le plus tôt possible si elle consent à m'accorder trois milles et un bénéfice, d'après la première proposition qui a dû être faite par le général Guédéonoff; nous pourrions prendre alors pour engagements les bases que votre Excellence a jeté dans sa réponse à monsieur le général de Guédéonoff.

Soyez certain, monsieur le général, que dans le cas d'un refus, je ne douterai point de votre bon vouloir et que j'ai ainsi le regret de n'avoir pu traiter avec vous, je me réserve le moment de faire votre connaissance, si toutefois vous voulez bien me le permettre, lorsque le desir de voir Moscou, desir bien vif pour moi qui ai trouvé en Russie une nouvelle patrie, m'amenera dans cette capitale, pour un motif unique de curiosité pour la ville et pour les théâtres qui sont confiés à Vos soins éclairés et dont ont raconté beaucoup à St. Pétersbourg.

Veillez agréer, monsieur le général, l'expression de ma parfaite considération et me croire

De votre Excellence

La très humble et très obéissante

Marie Taglioni

St. Pétersb. 23. 9 bre 1838.

Сцена изъ балета «Der Jahrmarkt». Литографія изъ альбома 1826 г.

IV.

Уже съ осени 1841 года петербургскіе театралы съ грустью узнали, что ихъ «милая Терпсихора», какъ съ нѣжностью называли Тальони въ Петербургѣ, танцуетъ у насъ послѣдній сезонъ.

Послѣдній бенефисъ ея былъ назначенъ на 26 Января 1842 года (балетъ Герта), послѣ чего она должна была еще протанцовать всѣ свои балеты по одному разу. Эти прощальные спектакли пришлось на масляной и балетъ давался каждый утренній спектакль. Многие поклонники артистки ходили въ театръ ежедневно, чтобы во всѣхъ роляхъ поглядѣть ее послѣдній разъ. И при каждой новой роли успѣхъ росъ. «Тальони прощалась со своею публикой и публика — со своею Тальони».

Послѣдній спектакль 1-го Марта, въ воскресенье передъ постомъ, былъ особенно торжественъ. Прощанье

публики носило самый трогательный характеръ, Тальони была вызвана 18 разъ. Растроганная до слезъ артистка, подошла къ рампѣ и обратилась къ публикѣ со слѣдующими словами: «Eternellement vous serez gravés dans mon coeur, et si je fais mes adieux á la Russie, ce n'est pas pour toujours».

Но публика не могла еще такъ скоро разстаться со своей любимцей. Ввидѣ исключенія, на 1-й недѣлѣ поста въ дни такъ называемой нѣмецкой масляницы, были даны еще два спектакля съ участіемъ Тальони, для «ино-вѣрцевъ», какъ значилось въ афишахъ.

Энтузіазмъ публики на этихъ спектакляхъ не поддавался описанію. Просили повторенія всѣхъ нумеровъ, чувствуя, что видятъ артистку въ послѣдній разъ. Вызвана она была 30 разъ и сказала на этотъ разъ по-нѣмецки: «Empfangen Sie meinen herzlichsten Dank. Ich hoffe dass ich zurück comen werde».

Прощаніе ея съ товарищами было самое трогательное. Своею скромностью и нѣжностью она сумѣла заслужить общую любовь и была, по выраженію современника, для артистовъ родная сестра. Танцовщицы со слезами разставались съ ней, убравъ на прощанье ея комнату цвѣтами.

Итакъ, «милая Терпсихора» улетѣла отъ насъ навсегда. Съ ея отъѣздомъ какъ бы окончился долгій праздникъ для петербургскихъ театраловъ, наступили скучные, мрачные, однообразные будни. Мы уже долго не встрѣчаемъ въ газетахъ такихъ восторженныхъ, такихъ поэтическихъ рецензій, на какія настраивала Тальони своихъ критиковъ. Краткіе, сухіе отчеты стали вмѣсто нихъ появляться на столбцахъ газетъ и журналовъ, и долго, долго никто не могъ замѣнить Петербургу его любимую артистку...

*Марія Тальони. Литографія по рисунку Е. Chalon.
(Собр. В. Я. Свѣтлова).*

Р. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: ...«она уѣхала и оставила послѣ себя такую пустоту, которая ужаснула. Болѣе 3-хъ лѣтъ потомъ никто не хотѣлъ смотрѣть балетъ нашъ, хотя въ это время и образовались два прекрасныхъ, первоклассныхъ таланта, Андреяновой и Смирновой»...

«Исчезла Марія Тальони, говорилъ современный критикъ, и разлетѣлся весь рой сладкихъ видѣній»...

«Послѣ Тальони, писалъ другой, мы уже за грѣхъ считаемъ смотрѣть нашихъ танцовщицъ».

Въ серединѣ марта того же года, въ неофициальной части «Вѣдомостей С.-Петербургской Полиціи» было объявлено: «По случаю скорого отъѣзда Г-жи Тальони продаются у нея мебель, бронза, столовые и чайные сервизы, кухонная посуда и пр. У Николаевского Морского Собора, въ д. Гюбена, № 5-й».

По словамъ «Сѣверной Пчелы», въ квартирѣ ея собрался цѣлый раутъ лучшей публики и всѣ вещи были быстро раскуплены. Каждый хотѣлъ имѣть память о восхитительной артисткѣ и многіе «слезно просили пару башмачковъ артистки за какую угодно цѣну».

И по отъѣздѣ ея журналы не скоро ее забыли, постоянно сообщая петербуржцамъ новости о триумфахъ любимой ими артистки; замѣтки о ней встрѣчаются въ «Сѣверной Пчелѣ», «Репертуарѣ», «Листкѣ для Свѣтскихъ людей» и т. д.

Въ своемъ «Прощаніи съ Тальони» «Сѣверная Пчела» опредѣлила вѣрно то значеніе, которое имѣла Тальони для Петербурга. «Она принадлежала, говорится въ замѣткѣ, болѣе области художествъ, чѣмъ театральнымъ подмосткамъ». И дѣйствительно, Тальони, кромѣ ея прямого значенія для театра, имѣла несомнѣнно значеніе

для искусства вообще. Она явилась къ намъ представительницей уже отживавшаго у насъ свой вѣкъ романтизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы уже говорили, возрождая своими танцами античное искусство, заставляла любить и понимать чистую красоту древне-греческой пластики.

Она, какъ истинный талантъ, порождала цѣнителей, образовывала вкусъ нашей публики, приучала ее къ изящному и научала ее чувствовать и понимать истинную грацію.

Она внесла новую, живую струю на омертвѣвшую до нея сцену и научила любить искусство для искусства, отрицая грубый реализмъ на сценѣ и проповѣдуя одну чистую, возвышающую душу поэзію.

Талантъ Тальони — это прекрасная акварель большого мастера, мягкая, нѣжная, немного интимная, ласкающая душу, — это лирическая поэзія, безконечно кроткая, трогательная, успокаивающая и убаюкивающая человѣческія страсти. И этимъ то своимъ талантомъ, такимъ нѣжнымъ, хрупкимъ и ажурнымъ, великая художница сумѣла безъ труда покорить сердца грубой толпы всего міра, воплощая въ себѣ истинную поэзію чистаго искусства, заставляя постигать все величіе красоты истиннаго генія.

М. Тальони. Литографія художника L'Enfant.

V.

Мы уже говорили, что портретовъ Тальони существовало въ Европѣ множество. Въ этомъ отношеніи една ли какой артистъ можетъ съ нею соперничать. Портреты эти появлялись и отдѣльно, и въ журналахъ, и въ сборникахъ главнымъ образомъ въ Парижѣ и Лондонѣ. У насъ они появились еще до пріѣзда самой артистки и книгопродавецъ Лисенковъ, уже въ началѣ 1837 года объявлялъ о продажѣ портретовъ Тальони. Вскорѣ послѣ 1-го дебюта портретъ ея былъ приложенъ при «Сѣверной Пчелѣ». Сейчасъ же появились и другіе портреты, преимущественно литографированные, и раскупались во множествѣ. Изъ русскихъ художниковъ, рисо-

вавшихъ ея портреты, мы уже говорили о Басинѣ, кромѣ него можно назвать еще Зеленскаго и Тимма.

Рисунки ихъ литографированы, какъ и большинство иностранныхъ. Способъ этотъ замѣнялъ въ то время еще не изобрѣтенную фотографію, и поклонники артистовъ должны были пріобрѣтать ихъ печатные портреты.

«Портретовъ Тальони такъ много, говоритъ «Сѣверная Пчела», большихъ и малыхъ, схожихъ и не схожихъ, при чемъ послѣднихъ больше, съ русскими и французскими подписями и совсѣмъ безъ подписей, что ими можно обвѣшать всѣ стѣны комнатъ».

По свидѣтельству современниковъ и по сохранившимся изображеніямъ, сходство которыхъ засвидѣтельствовано лицами лично знавшими артистку, мы можемъ составить себѣ представленіе о ея наружности.

Довольно высокая ростомъ, тонкая, стройная и граціозная, со свѣтлыми волосами, съ легкой и воздушной походкой какъ въ жизни такъ и на сценѣ, Тальони не обладала красивыми чертами лица; особенно въ молодыхъ годахъ онѣ отличались своею неправильностью и рѣзкостью; при всемъ томъ лицо ея носило на себѣ отпечатокъ совершенно особой прелести, какого то мягкаго и нѣжнаго обаянія.

Ce n'est pas une femme, mais un Charme, говорили французы, и главнымъ образомъ это впечатлѣніе производили, по словамъ современниковъ, ея глаза, большіе, печальные глаза, глубокіе и немного таинственные. Нѣмцы говорили про нее, что по сложенію своему она напоминала легкую, крылатую бабочку *).

*) «Gesellschafter» 9 апрѣля 1838 года: «Sie ist Schmetterlings-artig gestaltet».

Особенно наружность Тальони измѣнялась на сценѣ. Тутъ она чувствовала приливъ художественнаго вдохновенія, которое преображало ея черты и дѣлало ихъ очаровательными.

Въ коллекціяхъ нѣкоторыхъ собирателей намъ удалось найти болѣе 70-ти различныхъ портретовъ Тальони, описаніе которыхъ мы ниже прилагаемъ; конечно это не еще всѣ изображенія артистки и вѣроятно существуютъ еще листы нами не видѣнные.

Всѣ портреты артистки мы раздѣляемъ на два отдѣла. Портреты въ роляхъ и портреты ея въ обыкновенномъ платьѣ. Въ первомъ отдѣлѣ мы описываемъ 57 листовъ, изъ которыхъ къ одному только балету «Сильфида» относятся 15 портретовъ. Изъ этихъ пятнадцати три относятся къ оригинальнымъ рисункамъ П. Басина, о которыхъ мы уже говорили. «Сильфида» былъ 1-й балетъ, который Тальони танцевала у насъ, балетъ, специально созданный для нея по поэтической сказкѣ Нодье, въ которомъ она вызывала вездѣ исключительные восторги. Поразило исполненіе этой роли и нашего художника, подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ спектакля, зарисовавшаго въ свой альбомъ три сцены. На 1-й ¹⁾ Сильфида легкой тѣнью появляется на порогѣ раскрытой двери въ своемъ прелестномъ вѣночкѣ на головѣ, съ маленькими прозрачными крылышками за плечами. На 2-мъ рисунокѣ ²⁾ она изображена летящей, окутанная прозрачной вуалью, едва касаясь земли легкою стопою. Она летитъ какъ «крылатый капризъ, какъ живая шалость, облеченная въ облако газа», по выраженію французскаго критика.

На третьемъ ³⁾ рисунокѣ представлена заключительная сцена прелестной сказки. Сильфида поражена стрѣлою амура, она спустилась на землю, ея легкія кры-

лышки упали и она склонила головку съ глазами полными слезъ, «печальная и трогательная какъ сама элегія»!..

Всѣ рисунки Басина рисованы съ натуры и отличаются своимъ сходствомъ.

Въ «Сильфидѣ» же изобразилъ артистку и знаменитый Déveria ⁴⁾, и его рисунокъ, исполненный литографіею, является однимъ изъ лучшихъ ея портретовъ ⁵⁾. Съ поднятыми къ небу глазами, съ тѣмъ же вѣночкомъ на головѣ, съ необутыми ногами, она летитъ, не касаясь земли между двумя кустами цвѣтовъ, какъ «греза облеченная въ газовую одежду», какъ «легкій лепестокъ розы», какъ «нимфа божественныхъ садовъ». Превосходная литографія раскрашена.

Извѣстный англійскій художникъ Chalon ⁶⁾, часто и въ разныхъ видахъ рисовавшій Тальони, далъ намъ 4 портрета ея въ «Сильфидѣ». Первый относится къ 1836 году и на камнѣ рисованъ Lan'омъ ⁶⁾. Сильфида летитъ надъ кустомъ розъ, рука устремлена къ небу, одну ногу ея закрываетъ облако. На головѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. На второмъ рисунокѣ ⁷⁾ прическа другая, вмѣсто вѣнка на головѣ два букета цвѣтовъ, литографированъ листъ тѣмъ же Lane ⁶⁾.

⁴⁾ Рисунокъ того же художника помѣщенъ въ «Album de l'opéra». Тальони изображена лежащей на травѣ. Литографія существуетъ и въ раскрашенномъ видѣ. Подпись — «Scène des fleurs» ⁵⁾.

⁶⁾ Alfred Edouard Chalon (1780 — 1860) родился въ Женевѣ, но воспитывался и работалъ въ Англии. Его специальность — жанровая и портретная живопись. Извѣстенъ его портретъ артистки Vestris, жены знаменитаго танцовщика. Онъ былъ большой почитатель Тальони и кромѣ множества ея портретовъ, издалъ въ 1845 г. въ Парижѣ и Лондонѣ книжку: «Sylphide. — Souvenir d'adieu de Marie Taglioni».

⁷⁾ Въ этомъ же точно костюмѣ и прическѣ артистка изображена въ альбомѣ Chalon, который будетъ описанъ ниже. Подъ рисункомъ подпись — «Flore».

Очень красивъ третій портретъ работы этого художника, литографированный Templeton ⁸⁾. Сильфида стоитъ, прислонясь къ двери, какъ бы не рѣшаясь переступить порогъ комнаты. Это безусловно лучший изъ рисунковъ плодovitаго Chalon и мы его здѣсь воспроизводимъ. Отличная литографія по его же рисунку исполнена Lane въ 1845 г. Артистка дѣлаетъ реверансъ держа въ рукахъ букеты цвѣтовъ ⁹⁾. Превосходенъ портретъ черной манерой по оригиналу художника J. Lepolle ¹⁰⁾. На немъ изображена 1-я сцена изъ балета, рисованная съ натуры. Сильфида стоитъ на колѣнѣхъ у кресла спящаго шотландца. Оригиналъ этого портрета принадлежалъ самой Тальони.

Въ томъ же балетѣ изображена артистка еще въ альбомѣ «Les danseuses de l'opéra» ¹¹⁾ (раскрашенная литографія); на небольшой литографіи ¹²⁾ изъ книги, съ гирляндой въ рукахъ; на довольно слабой французской литографіи по рисунку A. Lascosche ¹³⁾; на раскрашенной гравюрѣ ¹⁴⁾, прилагавшейся къ Вѣнскому изданію «Theaterzeitung» (конца 30-хъ годовъ), по рисунку Schoeller'a гравированной на стали Geiger'омъ, и, наконецъ, въ альбомѣ «Les beautés de l'opéra» (гравюра на стали) ¹⁵⁾ въ которомъ находится интересная статья J. Janin о балетѣ Сильфида съ 11 рисунками, изображающими сцены изъ этого балета *) (гравированныя на деревѣ) Интересна литографія, изображающая Сильфиду лежащую на облакахъ и воспроизведенная виньеткою на стр. 55 ¹⁶⁾.

Превосходная литографія Разумихина по рисунку художника А. Зеленскаго ¹⁷⁾, изображаетъ Тальони въ

*) Въ собраніи Н. М. Лисовскаго имѣется кромѣ того интересная литографія, изображающая Тальони въ «Баядеркѣ» (копія съ портрета описаннаго ниже подъ № 20) съ невѣрной подписью «dans la Sylphide» ²³⁾.

дѣвъ Дуная. Она идетъ легкою поступью по баллюстрада балкона съ букетомъ въ рукѣ, готовая бросить его оруженосцу, чтобы скрыться затѣмъ къ своему отцу — Дунаю.

Легкая фигурка танцовщицы исполнена художникомъ превосходно; она не идетъ, а скользитъ по периламъ рѣшетки. Портретъ этотъ, по мнѣнію современниковъ, считался особенно удачнымъ и сходство его находили удивительнымъ. Литографія разошлась очень быстро, несмотря на довольно высокую цѣну — 15 рублей.

Въ этомъ же балетѣ нарисована она и Басинимъ ¹⁸⁾ на одномъ изъ его карандашныхъ рисунковъ. Она изображена въ томъ же газовомъ костюмѣ, съ тѣмъ же маленькимъ вѣнчкомъ на головѣ, танцующей pas de deux.

Пять листовъ изображаютъ артистку въ «Баядеркѣ», про исполненіе которой современные критики говорили, что «если въ Сильфидѣ Тальони заставляетъ вѣрить волшебнымъ сказкамъ, то въ этой роли она показываетъ земную женщину въ возможной прелести». Два рисунка принадлежатъ уже названному художнику Chalon, такъ часто рисовавшему Тальони. Въ коллекціи В. А. Трефиловой-Соловьевой имѣется крайне рѣдкій и интересный его альбомъ, о которомъ мы уже говорили выше. Альбомъ называется: «Six sketches of Mademoiselle Taglioni» (Published by J. Dickinson, London 1831).

Изъ 6-ти рисунковъ этого альбома — пять изображаютъ артистку въ роляхъ (Баядерка, Флора, Наяда, Тиролька и Неаполитанка), послѣдній — въ балетномъ платьѣ. Всѣ рисунки исполнены съ натуры. Въ «Баядеркѣ» ¹⁹⁾ она нарисована художникомъ стоящей на пуантахъ, съ поднятой головою. На ней красивый восточный костюмъ изъ легкаго газа съ вышитымъ рисун-

комъ, на головѣ уборъ изъ крупныхъ бусъ, на шеѣ такое же ожерелье. Легкій газовый шарфъ окутываетъ стройную фигуру. Въ этомъ же костюмѣ она изображена художникомъ и на большой отдѣльной литографіи ²⁰⁾, въ краскахъ. Поза нѣсколько иная: на 1-мъ портретѣ она стоитъ на пуантахъ, здѣсь она представлена въ движеніи, и газовый шарфъ развивается въ воздухѣ вокругъ ея тѣла.

Два портрета ²¹⁾ ²²⁾ въ томъ же балетѣ представляютъ собою слабыя копія съ рисунка Chalon (литографія и гравюра на деревѣ), и, наконецъ послѣдній, также скопированный съ Chalon, носитъ невѣрное названіе: «dans la Sylphide» ²³⁾.

Существуетъ много портретовъ Тальони въ «Гитанѣ», хотя это не была ея лучшая роль. На первомъ планѣ, рисунокъ карандашемъ того же Басина ²⁴⁾ — артистка танцуетъ съ кастаньетами испанскій танецъ. Затѣмъ отличная вѣнская литографія по рисунку Blau ²⁵⁾, исполненная на камнѣ Raup *).

4 рисунка относятся уже къ 40 годамъ и довольно слабы по исполненію. Всѣ они раскрашены и изданы въ Лондонѣ. Первые 2 исполнены на камнѣ Taylor'омъ по рис. Е. Smith; третій по рисунку Bouvier (мазурка изъ «Гитаны») литографированъ Kohler'омъ. Послѣдній — копія съ рисунка Bouvier изъ какого то англійскаго журнала ²⁶⁾ — ²⁹⁾.

Въ балетѣ «Тѣнь», о которомъ современный рецензентъ писалъ **): «легкость, эфирность, грація Тальони

*) Въ собраніи В. Я. Свѣтлова имѣется точно такая же литографія (раскрашенная), съ подписью художника Bouvier. Издана она въ Лондонѣ въ 1839 году.

**) Литератури. Прибавл. къ «Русскому Инвалиду», 1834 г.

превосходить здѣсь всякое описаніе», Тальони изображена на литографіи изъ «Театральнаго Альбома» 1842 г. ³⁰⁾, исполненной по рисункамъ извѣстнаго В. Тимма. Художникъ изобразилъ ее въ 8 сценахъ изъ балета на одномъ листѣ; наверху маленькій портретъ — бюстъ съ вѣночкомъ на головѣ, довольно мало схожій. Въ этомъ же альбомѣ Тальони изображена въ сценахъ изъ балета «Озеро Волшебницъ» ³¹⁾.

Біографія Тальони написана въ «Альбомѣ» А. Башуцкимъ, отчетъ о балетѣ «Озеро Волшебницъ» — О. Кони. Другой портретъ артистки въ балетѣ «Тѣнь» находится въ альбомѣ «Les gloires de l'opéra» (Aubert). (Раскрашенная литографія, вѣ листъ) ³²⁾.

Въ Россиніевскомъ «Вильгельмъ Теллѣ» Тальони исполняла тирольскій танецъ. Въ немъ она изображена въ названномъ альбомѣ (рисунокъ 4-й) ³³⁾ и на раскрашенной французской литографіи съ подписью «La Tyrolienne» ³⁴⁾.

Флорой ³⁵⁾ Chalon нарисовалъ артистку на 1-мъ листѣ своего альбома. Она представлена въ томъ же костюмѣ, какъ и въ «Сильфидѣ» (см. выше), въ газовомъ платьѣ усѣянномъ цвѣтами, съ крылышками за спиною. На второмъ рисункѣ альбома Тальони — Наяда ³⁶⁾, и, наконецъ, на 5-мъ — она танцуетъ Неаполитанскій танецъ (Сицильянка) ³⁷⁾.

Отличная литографія по рисунку De Valentini ³⁸⁾ издана у Лемерсье въ Парижѣ. Артистка изображена «Феей цвѣтовъ», въ овалѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ кустами розъ. Литографія раскрашена.

Однимъ изъ позднѣйшихъ портретовъ является литографія, изданная въ Берлинѣ по рисунку Bürde ³⁹⁾. Артистка въ роли Тен, стоитъ среди водяныхъ растений задумчиво склонивши голову на руку.

Марія Тальони. Литографія по рисунку Blau.
(Собр. В. А. Трефиловой-Соловьевой).

Одна литографія совершенно безъ подписи ⁴⁰⁾. Она исполнена на камнѣ Taylor'омъ и довольно мало схожа.

Интересна литографія, исполненная на камнѣ самимъ художникомъ Mulrenin ⁴¹⁾, въ Лондонѣ. Тальони въ своемъ газовомъ платьѣ, съ маленькимъ вѣточкомъ на головѣ, съ наклоненной головой и протянутыми руками.

Крайне любопытенъ рѣдкій альбомъ, изданный въ Штуттгартѣ въ 1826 году подъ названіемъ «Erinnerungen an das Ballet des Königlichen Hoftheater zu Stuttgart», заключающій въ себѣ литографированныя сцены изъ разныхъ балетовъ. Въ экземплярѣ альбома принадлежащемъ В. Я. Свѣтлову, Тальони изображена на шести сценахъ вмѣстѣ съ отцемъ, братомъ и другими артистами. Вотъ эти балеты: «Abend eines Rajah» ⁴²⁾, «Zemira» ⁴³⁾, «Schwerdt und Lanze» ⁴⁴⁾, «Der Jahrmarkt» ⁴⁵⁾, «Ioko» ⁴⁶⁾, «Aglae» ⁴⁷⁾. Нѣкоторые листы раскрашены. Портреты эти интересны, какъ относящіеся къ очень раннему періоду сценической дѣятельности артистки!

Въ выходившемъ въ Вѣнѣ выпусками изданіи: Galerie drolliger Scenen, также помѣщались сцены изъ балетовъ (20-е годы). На нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются и портреты Тальони. Это гравюры на стали, раскрашенные отъ руки.

Затѣмъ упомянемъ еще портреты артистки въ серіи театральныхъ костюмовъ, изданныхъ въ Парижѣ Martinet, по рисункамъ Maleuvre. Она изображена въ балетѣ «Возстаніе въ Серафѣ» ⁴⁸⁾, «Nathalie» ⁴⁹⁾, «Dieu et la Bayadere» ⁵⁰⁾ и «Fille de Danube» ⁵¹⁾. Мало схожъ литографированный и раскрашенный портретъ, прилагавшійся къ журналу «Miroire des Dames» ⁵²⁾.

На страницѣ 79 воспроизведена виньетка съ гравированной обложки нотъ Taglioni — Walzer ⁵³⁾ Иоганна Штрауса, изданнаго въ Вѣнѣ *).

Переходимъ затѣмъ ко второй категоріи портретовъ — въ обыкновенномъ костюмѣ, не въ роляхъ.

Первымъ по времени изъ нихъ является литографія Constans по рисунку Lauter ⁵⁴⁾, изданная въ Штуттгартѣ въ 1827 году, во время первой побѣдки Тальони по Германіи. (См. стр. 11).

Передъ нами молодая дѣвушка, почти дѣвочка съ застѣнчивымъ взглядомъ глубокихъ глазъ, въ скромномъ гладкомъ платьѣ, въ высокой взбитой прическѣ, не совсѣмъ для нея обычной.

Приблизительно къ этой же эпохѣ, надо отнести и прелестную литографію, слегка раскрашенную, изданную въ Парижѣ по рисунку F. Salabert (около 1828 — 30 г.г.) ⁵⁵⁾. Тальони изображена совсѣмъ молодою, въ газовомъ бѣломъ платьѣ, съ блѣдно-розовымъ кушакомъ изъ шелка. Въ рукѣ вѣрѣ, прическа гладкая съ проборомъ и двумя цвѣтками съ лѣвой стороны. Рисунокъ исполненъ превосходно легкими очертаніями, почти безъ тѣней.

Въ своей прелестной галлерей женскихъ головокъ знаменитый Греведонъ не могъ не увѣковѣчить и Тальони.

На литографіи, изданной въ 1831 году С. Motte ⁵⁶⁾, она изображена въ открытомъ газовомъ платьѣ съ кружевнымъ воротникомъ, въ высокой прическѣ съ

*) Двѣ рѣдкія литографіи воспроизведены въ недавно вышедшей въ Лондонѣ книгѣ «The Dance» (С. Bale). Одна изображаетъ Тальони въ видѣ Діаны, съ лукомъ и колчаномъ, на другой она танцуетъ Pas de trois съ Феррарисъ и Карлоттой Гризи на коронаціонномъ спектаклѣ въ Лондонѣ въ 1838 году.

Марія Тальони въ роли Флоры. Литографія изъ альбома E. Chalcn — Six scetches.
(Собр. В. А. Тресфиловой-Соловьевой).

локонами на вискахъ и большимъ бантомъ сверху. Прическа, какъ и костюмъ, благодаря Тальони вошедшіе въ моду въ Парижѣ. Въ новой книгѣ «Le Romantisme et la mode», L. Maigron, Тальони изображена по старинному портрету въ такой же высокой причeskѣ, какъ и на рисункѣ Греведона, но съ большимъ, ниспадающимъ перомъ; въ честь артистки этотъ уборъ былъ названъ à la Sylphide. Греведонъ немного польстилъ артисткѣ, но все же сходство очень большое. Съ этого же рисунка Греведона копирована русская литографія, изданная Лисенковымъ въ Петербургѣ передъ прїѣздомъ Тальони⁵⁷). Поворотъ головы нѣсколько иной и лицо исполнено очень плохо и несхоже. Литографія отпечатана на китайской бумагѣ. Въ такой же высокой причeskѣ она нарисована на отличной литографіи Julien въ журналѣ «Le Charivari»⁵⁸), и въ журналѣ «Le monde dramatique»⁵⁹) (гравюра на стали, безъ подписи художника).

Въ причeskѣ съ локонами видимъ Тальони на группѣ головокъ изъ серіи «Les artistes contemporains», листъ 3-й⁶⁰). Листы эти рисованы L. Santa и литографированы у Лемерсье въ Парижѣ въ 1832 году. Очаровательная литографія⁶¹) по рисунку Léon Noël издана въ 1833 году. Тальони изображена молодой дѣвушкой, въ высокой причeskѣ, въ закрытомъ газовомъ платьѣ. Лицо грустное, съ большими печальными глазами.

Къ той же эпохѣ начала 30-хъ годовъ относится уже названный рисунокъ Chalon въ его альбомѣ⁶²).

Онъ изображаетъ артистку въ ростъ, въ открытомъ газовомъ свѣтломъ платьѣ съ большими рукавами, въ высокой причeskѣ съ двумя букетами цвѣтовъ на головѣ. Изящная фигурка артистки склонилась въ граціозномъ реверансѣ, какъ бы прощаясь съ англичанами, отъ ко-

торыхъ она уѣзжала на осень въ Парижъ. Стихи подъ портретомъ говорятъ объ этомъ отъѣздѣ и поэтъ съ грустью разстается съ нею до будущаго года.

Интересенъ рисунокъ Belliard⁶³), литографированный у Delpech около того же времени, т. е. не позже середины 30-хъ годовъ. Портретъ поясной, артистка въ открытомъ газовомъ платьѣ съ кружевнымъ воротникомъ. Прическа гладкая, на проборъ, съ маленькими косами, кольцами спускающимися надъ ушами. Съ боку заколота булавка съ камеей.

Нѣсколько позднѣе, вѣроятно, уже въ сороковыхъ годахъ исполненъ портретъ Тальони по оригиналу художника Canzi⁶⁴). Листъ этотъ имѣется въ черномъ и раскрашенномъ видѣ и рисованъ на камнѣ Майеромъ въ Парижѣ⁶⁵). Артистка сидитъ въ креслѣ, съ платкомъ въ рукѣ. На ней легкое газовое, открытое платье съ большими рукавами и широкимъ кушакомъ. Прическа гладкая, на проборъ, на вискахъ маленькія косы. На лбу, по модѣ того времени, большой драгоценный камень на тонкой цѣпочкѣ, въ ушахъ длинныя серьги. Танцовщица изображена здѣсь уже въ концѣ своей сценической дѣятельности, черты лица ея гораздо мягче, большіе печальные глаза какъ бы скорбятъ о разставаніи съ любимымъ искусствомъ и грустно смотрятъ въ даль передъ собою.

Небольшая литографія Peuge⁶⁶) изъ какой то книги очень плохо исполнена и совершенно несхожа; артистка изображена въ томъ же костюмѣ, въ причeskѣ съ длинными локонами.

Въ этомъ же родѣ и слабый рисунокъ C. Bur⁶⁷), литографированный у Лемерсье изъ серіи «Les belles femmes de Paris».

Мало схожъ и портретъ, изданный у F. Sinnett ⁶⁸⁾ въ Парижѣ. Артистка изображена въ большомъ беретѣ на головѣ съ двумя перьями по бокамъ. Литографія эта повидимому прилагалась къ какому нибудь изданію. Также слаба и нѣмецкая литографія съ подписью: «Maria Taglioni erste Tänzerin der Grossen Oper zu Paris» ⁶⁹⁾.

Огличный портретъ Тальони далъ извѣстный англійскій художникъ Edvin Smith ⁷⁰⁾, вообще не разъ рисовавшій артистку. Листъ прекрасно гравированъ пунктиромъ Н. Robinson'омъ, популярнымъ граверомъ этой эпохи.

Гравюра подписана 1842 годомъ. Художникъ нарисовалъ артистку, сидящей въ креслѣ, въ газовомъ бѣломъ платьѣ, слегка открытомъ, съ собачкой на рукахъ. Прическа на проборъ, съ маленькими косами, кольцами закрывающими уши, и съ цвѣтками по бокамъ.

Тѣ же большіе задумчивые глаза придаютъ необыкновенную привлекательность лицу артистки. Портретъ этотъ очень рѣдокъ и можетъ считаться однимъ изъ лучшихъ по сходству и исполненію.

Самымъ позднимъ портретомъ (кромѣ фотографій) является гравюра на стали А. Woger'a ⁷¹⁾, изданная въ Лейпцигѣ въ концѣ 60-хъ годовъ. Тальони уже старуха, она оперлась лицомъ на руку, въ своей гладкой прическѣ на проборъ, съ черной косынкой на шеѣ и большимъ темнымъ бантомъ на головѣ.

Кромѣ описанныхъ листовъ портреты Тальони, между прочимъ, были помѣщены въ слѣдующихъ изданіяхъ:

«Galerie Dramatique» 1825 г., «Le Menestrel». «L'Artiste» (литографія со статуэткы Barre), «Psyché» 1838 года, «Galerie de la Presse», 1839 г. I, 21, «Pall Mall Magazin» 1904 г. № 349, стр. 172, Юбилейное изданіе: «La Scala» 1778 — 1906. (Ricordi) 1906 и мн. др.

Въ красивой галлерей прошла сейчасъ передъ нами жизнь «великой художницы», отъ ея первыхъ сценическихъ успѣховъ, до ея послѣднихъ годовъ.

Судьбою дано ей было испытать и великую славу и большія неудачи въ ея долгой и полной перемѣнъ жизни.

Но если шумъ всемірныхъ триумфовъ и поклоненіе толпы не вскружили ей голову, то и жизненные неудачи ее не сломили.

До конца она жила мечтами о минувшемъ блескѣ своей славы, и въ печальномъ взглядѣ ея большихъ глазъ на послѣднихъ портретахъ мы можемъ прочесть воспоминаніе о томъ времени когда, «зала загоралась огнями при ея появленіи, когда красавицы, цвѣты и каменья блитали въ ней, ожидая лучей ея глазъ, дуновенья ея крылъ! когда тысячи рукъ хлопали и тысячи голосовъ кричали: вотъ она! вотъ она! наша богиня! при одномъ шелестѣ листьевъ цвѣтка, при легкомъ колебаніи занавѣса»..., мечты о томъ невозвратномъ прошломъ, когда было возможно сказать:

«Ne demandez pas ce qu'on a fait du printemps de l'année, on l'a jeté aux pieds de M-lle Taglioni».

Н. Соловьевъ.

Марія Тальони «Fée aux fleurs». Раскрашенная литография по рис. Valentini.
(Собр. В. Я. Святлова).

Сцена из балета «Тень», рисунок В. Тимма.

ПЕРЕЧЕНЬ ПОРТРЕТОВЪ МАРИИ ТАЛЬОНИ *).

1. Въ ростъ, прямоличный. Стоитъ на порогѣ двери. Въ балетѣ «Сильфида». Оригинальный рисунокъ карандашомъ П. Басина. Изображеніе 19.7×11 . А.
2. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., вмѣстѣ съ танцовщикомъ. Въ балетѣ «Сильфида». Оригинальный рисунокъ карандашомъ П. Басина. Изображеніе 10.3×11.2 . А.

*) При описаніи каждого портрета указано въ чьемъ собраніи онъ находится. Собраніе В. А. Трефиловой-Соловьевой обозначается буквой А., собраніе В. Я. Святлова — буквой Б.

3. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., летящая. Оригинальный рисунокъ карандашемъ П. Басина. Подпись «Тальони».

Фигура 17.6×13.4 . А.

4. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, летящая между двумя кустами, $\frac{3}{4}$ вл. Въ костюмѣ Сильфиды. Раскрашенная литографія: «A. Déveria. A. Deveria del; Imp. Lith. de Cattier — Marie Taglioni — (Sylphide) — Paris. Goupil et Vibert. 15 Boulevard Montmartre et Rue de Lancry 7».

Рамка 34.6×23.7 . А.

5. Въ рамкѣ, въ ростъ прямоличный, лежащая. Литографія: «Album de l'opéra — № 16 — Deveria del. Challamet edit. — Scène des fleurs — M-lle Taglioni».

Рамка 16×22 . Б.

6. Безъ рамки, въ ростъ, летящая надъ кустомъ, $\frac{1}{2}$ вл., въ костюмѣ Сильфиды. Литографія: Marie Taglioni (росчеркъ). A. E. Chalon R. A.; R. I. Lane A. R. A. — La Sylphide — London. Published Jan-y 1-st 1836 by J. Mitchell Library, 33 Old Bond street. A Paris chez Rittner et Coupil, Boulevard Montmartre. Deposé — Printed by Graf and Sorel».

Изображеніе 27.5×21.1 . А., Б.

7. Въ восьмиугольникѣ. Въ ростъ, въ саду, на одномъ пуантѣ, $\frac{3}{4}$ впр., въ костюмѣ Сильфиды. Литографія: «Mademoiselle Taglioni — From a drawing of A. E. Chalon R. A. Drawn on stone by A. E. Chalon R. A. — London published June 1831 by Diskinson. New Bond street. Printed by C. Tultonandel — Paris par Cha-s — Motte. Rue — St. Honoré № 290».

Рамка 32×23.2 . А.

8. Въ восьмиугольникѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., прислонясь къ двери. Въ костюмѣ Сильфиды. Литографія: «A. Chalon R. A. J. S. Tampleton».

Рамка 40.3×27.1 . Б.

9. Въ восьмиугольникѣ, въ ростъ, $\frac{1}{2}$ вл., съ букетами въ рукахъ въ костюмѣ Сильфиды. Литографія: «A. E. Chalon. R. A. — R. J. Lane A. R. A. — Proof — 6 — London published september 8. 1845. by J. Mitchel. Publisher to ther Majesty. 33 Old Bond Str. — A Paris chez Goupil et Vibert. Boul. Montmartre — M. et N. Hanhart lith. imp.».

42×28.9 . Собр. А. Онѣгина.

10. Въ четырехугольникѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., на колѣнѣхъ у ногъ сидящаго въ креслѣ танцовщика: Сцена изъ 1-го акта балета «Сильфиды». Литографія черной манерой: «Peint d'après nature par Lepolle. — La Sylphide — d'après le tableau original appartenant à — Mad-lle Taglioni — Chardun Jeune imp. — Dedié à Monsieur Véron Directeur de l'Academie Royale de Musique par son très humble et très obeissant serviteur — G. Lépolle — Paris, publié par Jeannin éditeur 20 rue du Crossant».

Большой листъ. Б.

11. Безъ рамки, въ ростъ, прямоличный. Раскрашенная литографія. Изъ альбома: «Les danseuses de l'opéra».

Фигура 22.2×13 . А.

12. Безъ фона, въ ростъ, на одномъ носкѣ, $\frac{1}{2}$ впр., съ гирляндой. Изъ балета «Сильфиды». Литографія: «Published dy Tregear 123 Cheapside London — Taglioni».

Изображеніе 12.3×9 . А.

13. Въ ростъ, летящая, $\frac{3}{4}$ впр., въ балетѣ «Сильфиды». Литографія: «A. Lacoche. Paris».

8°. Б.

14. Въ ростъ, въ саду, на одномъ пуантѣ, фигура направо, лицо $\frac{3}{4}$ влѣво. Гравированъ пунктиромъ и рѣзцомъ и раскрашенъ: «Costüm-Bild zur Theaterzeitug № 67 — Schoeller del. And. Geiger sc. — Marie Taglioni als Sylphide — Wien im Bureau der Theaterzeitung Rauensteingasse № 926».

Доска 22×17 . А.

15. Въ орнаментальной, четырехуг. рамкѣ, $\frac{1}{2}$ впр., въ костюмѣ Сильфиды, гравюра на стали: «Taglioni—la Sylphide». (Les Beautés de l'opéra).

8° Собр. Н. М. Лисовскаго.

16. Въ четырехугольной рамкѣ, прямоличный, въ ростъ, лежащая на облакахъ, въ костюмѣ Сильфиды. Литографія: «L'Enfant del. et lith. — The Star of the Ballet № 6 — Madlle Taglioni — Spirit of Air — London. W. Follit City, Repository of arts. 63 Fleet St. — L'Enfant. London».

Рамка 22.1×16.8 . Собр. А. Онѣгина.

17. Въ четырехугольникѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., идетъ по балюстрадаѣ балкона. Декорація изъ балета «Дѣва Дуная». Литографія: «Peint

d'après nature par Zelenski, Imp. Lith. de Moscharsky — lith-é par P. Rasoumichin — M-lle Taglioni — Dans le rôle de la Fille du Danube».

Четыреуг. 45.5 × 36.9. А., Б., Собр. Е. Е. Рейтерна.

18. Въ ростъ, $\frac{1}{2}$ впр., оригин. карандашный рисунокъ. П. Басина. Pas de deux изъ балета «Дѣва Дуная». Подпись карандашемъ рукою художника «dans le role de la fille de Danube».

Изображеніе 14.4 × 14. А.

19. Безъ рамки, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл. Литографія: «A. E. C. — R. J. L. — La Bayadere Plate 4 — Published by Dickinson. New Bond Street Aug — t 1831 — Printed by C. Hullmandel». (Изъ альбома рисунковъ Chalon, Six sketches).

Фигура 18.2 × 11.2. А.

20. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, на пуантахъ, въ костюмѣ Баядерки. Раскрашенная литографія: «La Bayadère. Portrait of Mademoiselle Taglioni — Drawn on stone by K. R. Lane from Drawing by A. E. Chalon R. A. — London. Published by Ackerman and Co 96 Strand, and at Paris by Rittner and Goupil — Déposé. Printed by Graf and Sorel. 1 Gt. Castle St.».

Рамка 53.3 × 36. А.

21. Безъ рамки, въ ростъ, почти прямоличный; въ костюмѣ Баядерки. Литографія: «Taglioni — The shawl dance of Cachemere — Jefferus and Co 31 Frith St Soho».

Изображеніе 24 × 18. А.

22. Въ четырехугольной рамкѣ, $\frac{3}{4}$ впр., въ костюмѣ баядерки. Копія съ рисунка Chalon. Гравюра на деревѣ: «W. L. Thomas. — Mademoiselle Taglioni — «La Bayadère» — See opera Directors.

16.5 × 10.8. Собр. А. Онѣгина.

23. Безъ рамки, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., въ восточномъ костюмѣ изъ балета «Баядерка». Литографія: «M-lle Taglioni dans la Sylphide (ошибочно) — Lith. de Gihaut frères éditeurs — Lith. par F. Courtin — Boul. des Italiens № 5. Paris».

Въ 4^о. Собр. Н. М. Лисовскаго.

24. Въ ростъ, прямоличный, танцуетъ съ кастаньетами. Оригинальный рисунокъ карандашемъ П. Басина.

Изображеніе 14.5 × 5.8. А.

25. Въ двойной четыреуг. рамкѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., танцуетъ съ кастаньетами, сцена изъ балета «Гитана». Литографія: «Lith. von Blau, Gedr. bei J. Rauh — Maria Taglioni — als Gitana — Verlag und Eigenthum von L. T. Neumann in Wien».

Рамка 35.3 × 25.5. А.

26. Безъ рамки, въ ростъ, $\frac{1}{2}$ вл., въ костюмѣ Гитаны. Раскрашенная литографія: «Edwin D. Smith del-t. Marie Taglioni (росчеркъ). Drawn on Stone by Weld. Taylor — La Gitana — London, Published June 12, 1840 by J. Watson, Vere Street Oxford St — M. and N. Hanhart. Lith. Printers».

Изображеніе 26 × 10.5. А.

27. Безъ рамки, въ ростъ, прямоличный въ балетѣ «Гитана». Раскрашенная литографія: «Painted by Edmin D. Swith. Marie Taglioni (росчеркъ), Drawn on Stone by Weld. Taylor — La Gitana — London, Published June 12, 1840 by J. Watson, Vere Street, Oxford Street — M. and N. Hanhart, Lith. Printers».

Изображеніе 24.3 × 11. А.

28. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., въ сценѣ изъ балета «Гитана» (Gipsy). Раскрашенная литографія: «Bouvier del. Marie Taglioni (росчеркъ) Printed by W. Kohler, 22 Denmark St. Soho. — In the Dance of the Mazurka in the Ballet of — La Gitana — London published by T. M. Lean 26 Haymarket».

Рамка 34.2 × 24.1. А.

29. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., въ костюмѣ изъ балета «Гитана» (Gypsy). Гравюра на деревѣ изъ англійскаго журнала. Подписи срѣзаны. Фигура 14 × 7. А.

30. Бюстъ, въ гирляндѣ изъ цвѣтовъ, $\frac{3}{4}$ вл., на листѣ съ 8 сценами изъ балета «Тѣнь». Литографія по рисунку В. Тимма. (Изъ Театрального Альбома 1842 г.).

Размѣръ листа 51.6 × 33.9. А.

31. На 6-ти сценахъ изъ балета «Озеро волшебницъ». Литографія изъ Театрального Альбома 1842 года. (Всего 8 сценъ и портретъ Никитина). По рисунку В. Тимма.

Размѣръ листа 50.6 × 34. А.

32. Въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., въ балетѣ «Тѣнь», раскрашенная литография: M-lle Taglioni, — Dans l'Ombre, Ballet — Paris, publié par Aubert & Co. Pl. de la Bourse — Imp. d'Aubert.

Въ листъ. Собр. Н. М. Лисовскаго.

33. Безъ рамки, въ ростъ, прямоличный, въ тирольскомъ костюмѣ Литография: «A. E. C. — R. J. L. — La Tyrolienne — Plate 2 — Published by J. Dickinson New Bond Street, Aug-t 1831 — Printed by Hullmandel». (Изъ альбома Chalon Six sketches).

Изображение 18×6.8 . А.

34. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, прямоличный, въ тирольскомъ костюмѣ. Раскрашенная литография: «La Tyrolienne». Рамка 21.5×18 . А.

35. Безъ рамки, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., въ Костюмѣ Сильфиды. Литография: «A. E. C. — R. J. L. — Flore — Plate I — Published by J. Dickinson, New Bond Street Aug. 1831 — Printed by C. Hullmandel». (Изъ альбома Chalon, Six sketches).

Изображение 18.4×8 . А.

36. Безъ рамки, на колѣняхъ, $\frac{1}{2}$ вл. Литография: A. E. C., R. J. L. — La Náyade — Plate 5 — Published by J. Dickinson, New Bond Street, Sep-r. 1831 — Printed by C. Hullmandel». (Изъ альбома Chalon, Six sketches).

Изображение $15 - 11$. А.

37. Безъ рамки, въ ростъ, прямоличный. Литография: A. E. C. R. J. L. — La Napolitaine — Plate 3 — Published by J. Dickinson New Bond Street. sep-r 1831 — Printed by C. Hullmandel». (Изъ альбома Chalon, Six sketches).

Изображение 18.6×8.4 . А.

38. Въ овалѣ, въ ростъ, вокругъ овала гирлянды изъ шарфовъ и цвѣтовъ, наверху вѣнокъ, внизу картушъ. Раскрашенная литография. Въ вѣнкѣ: «Mad-lle Marie Taglioni». Въ картушѣ: «La fée aux fleurs». Внизу: «Painted by de Valentini. Paris imp. by Lemercier, Lith. by Desmason».

Овалъ 39.2×29.9 . Б.

39. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ $\frac{3}{4}$ вл., въ балетѣ «Тея» декорация. Литография: «Gez v. Paul Bürde, Verlag u. Druck v. L. Sachse & Co Berlin. Lith v. Herrn Kirchens. — Marié Taglioni — als Thea in dem gleichnamigen Ballet. — Paris chez Goupil, Vibert & Co — London by E. Gambart & Co *)».

Рамка 45.5×36 . А., Б.

40. Въ восьмиугольникѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., въ костюмѣ изъ балета «Наяда». Позади декорация. Литография на китайской бумагѣ безъ всякой подписи.

Рамка 31.4×23 . А.

41. Безъ рамки, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр., на головѣ вѣнокъ. Литография: «Mademoiselle Taglioni — Designed and drawn on Stone by B. Mulreniu — London Published Sep-r 1834, by Ackermann and Co 96 Strand — and at Paris by Rittner and Goupil — Printed by C. Hullmandel».

Изображение 32×15.5 . А.

42. Въ сценѣ изъ балета. Раскрашенная литография изъ альбома Erinnerungen an das Ballet des Königlichen Hoftheater zu Stutthart, 1826; «Ballet der Abend eines Rajah — M-lle Taglioni u. Hr. Taglioni Sohn im Shawl Tanz».

Изображение 14.4×18.5 . Б.

43. Въ сценѣ изъ балета. Раскрашенная литография, изъ того же альбома: «Ballet Zemire — M-lle Taglioni und H. Stuhlmüller als Zemire und Azor»!

Изображение 14.6×17.6 . Б.

44. Въ сценѣ изъ балета. Раскрашенная литография изъ того же альбома: «Ballet Sshwerdt und Lanze — M-lle Pierson, Hr. Taglioni Sohn, M-lle Taglioni, Hr. Stuhlmüller — als Amozonen und griechische Fechter».

Изображение $14. \times 25$. Б.

*) Портретъ этотъ довольно мало схожъ, и, возможно, изображаетъ не самое Тальони, а ея племянницу, также Марию Тальони, танцовавшую въ Германіи, въ концѣ 50-хъ годовъ.

45. Въ сценѣ изъ балета. Литографія изъ того же альбома: «Ballet der Jahrmarkt — M-lle Taglioni — Victorina. Hr. Turchetto — Gironimo».

Изображение 13.6×23.6 . Б.

46. Въ сценѣ изъ балета. Литографія изъ того же альбома: «Ballet Ioko, Hr. Fenzel Ioko, M-lle Taglioni — Danina, Marie Merey — Zabi, Hr. Stullmüller — Don Alvaro».

Изображение 26.4×17.9 . Б.

47. Въ сценѣ изъ балета. Литографія изъ того же альбома: «Ballet Aglae, M-lle Taglioni — Aglae, Hr. Turchetto — Satyr».

Изображение 25 — 12.8. Б.

48. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ впр. Раскрашенная гравюра на стали: «Costume de M-lle Taglioni, rôle de Zulma — dans la Révolte au Sérail. Ballet — Académie Royale de Musique — Maleuvre sc — Acte III — Chez Hautecoeur Martinet rue du Coq № 13 et 15 à Paris».

Рамка 15.7×10 . Б.

49. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, $\frac{1}{2}$ вл. Раскрашенная гравюра на стали: «Costume de M-lle Taglioni, rôle de Natalie dans la Piece de ce nom. Ballet — Académie Royale de Musique — Maleuvre sc. — Chez Hatecoeur Martinet, Md. d'Estampes rue de Coq № 13 et 15 à Paris».

Изображение 15.7×10 . Б.

50. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл., раскрашенная гравюра пунктиромъ и рѣзцомъ № 695: «Costume de M-lle Taglioni, rôle de Zoloé — dans le Dieu et la Bayadère. Opéra. Académie Royale de Musique — Maleuvre sc. — Chez Hautecoeur Martinet Librairie rue du Coq. № 13 et 15 à Paris».

15×9.5 . Собр. А. Онѣгина.

51. Въ четырехугольной рамкѣ, въ ростъ, $\frac{3}{4}$ вл.; раскрашенная гравюра пунктиромъ и рѣзцомъ: «Costume de M-lle Taglioni, rôle de Fleur des champs dans la Fille de Danube. Ballet — Académie Royale de Musique № 1071 — Maleuvre sc. Acte I — Chez Hautecoeur Martinet Editeur, rue du Coq № 15 à Paris».

$15.8 — 10.7$. Собр. А. Онѣгина.

52. Въ литографированной рамкѣ, $\frac{3}{4}$ вл., танцующая, съ гирляндой въ рукахъ. Раскрашенная литографія изъ журнала Le miroir des Dames: «Taglioni — Paris Desmaison — Colasson. Quai Voltaire 17».

Рамка 23×17 . А.

53. Въ ростъ, гравюра рѣзцомъ и пунктиромъ на обложкѣ нотъ: «Taglioni — Walzer für das Pianoforte — Zur Erinnerung an die gefeierte M-lle Marie Taglioni — componiert von Iohann Strauss...».

Доска $19. \times 26$. Б.

54. Поясной почти прямоличный. Литографія: «F. Lauter s. 1827. C. Constans imp. — Marie Taglioni — Stuttgart».

Изображение 19.5×11.3 . А.

55. Безъ фона, поколѣнный, прямоличный, въ рукѣ вѣреть. Литографія слегка раскрашенная. «F. Salabert (росчеркъ), F. Salabert del-t 14 Boulev-d Montmartre — Marie Taglioni — London pub-d by Hodson and Graves, 6 Pall Mall, Imp. Lith. de Thierry freres Paris chez Rittner and Goupil, 15 Boulev. Montmartre».

Изображение 28.5×19.3 . А.

56. Поясной, $\frac{3}{4}$ впр. (почти прямоличный). Литографія: G. Grevedon (росчеркъ), — Miss Taglioni — Printed and published at London the 15 of April 1831 by C. Motte. 25 Leicester Square. Imprimé et publié à Paris par C. Motte, rue St. Honoré № 290».

Изображение 29.3×26 . А.

57. Безъ рамки, поясной, $\frac{3}{4}$ вл. Несхожая копія съ Греведона. Литографія на китайской бумагѣ, изданная Лисенковымъ въ Спб., въ 1837 году: «Марія Тальони — первая танцовщица въ Европѣ, ангажированная къ Императорскимъ С.-Петербургскимъ театрамъ».

Изображение 12.2×12.5 , А.

58. Поясной, $\frac{3}{4}$ вл., съ мѣхомъ на шеѣ. Литографія изъ журнала Charivari: «Julien — M-lle Taglioni».

Изображение 21.6×17.6 . А.

59. Въ орнаментальной рамкѣ, бюстъ, $\frac{3}{4}$ впр., съ мѣхомъ на шеѣ. Гравюра на стали изъ журнала «Le monde dramatique»: «M-lle Tag

lioni — Academie Royale de Musique — Imp. chez J. Caboche et Cie
Pl. de la bourse № 8».

Рамка 21.2 × 12.9. А.

60. На группѣ изъ шести головокъ (Taglioni, Noblet, Montessu, Legallois, Alexis) поясной, прямолиный. Литографія: «L. Santa 1832, Les artistes contemporains, Lith. Lemerrier № 3».

Изображение 31 × 27.6. А.

61. Безъ рамы, прямолиный, поклѣнный, на шеѣ черныи шну-
рокъ. Литографія: «Leon Noel 1833 — Mlle Taglioni».

Изображение 12.5 × 8. А.

62. Безъ рамки, въ ростѣ, прямолиный. Литографія: А. Е. С. —
R. S. L. — Marie Taglioni (рочеркъ) Plate 6 — Published by
J. Dickinson New Bond Street Sep-р 1831 — Printed by C. Hullman-
del». (Изъ альбома Chalon, Six sketches).

Изображение 17.7 × 8.5. А.

63. Безъ рамки, поясной, $\frac{3}{4}$ впр. Литографія: «J. Belliard, Lith.
Delpech. Paris — Marie Taglioni».

Изображение 23.7 × 19.5. А.

64. Сидящая въ креслѣ, поклѣнный, $\frac{3}{4}$ впр. На лбу драгодѣ-
ный камень на цѣпочкѣ. Литографія: «Canzi pinx. Mayer (роч-
черкъ). Mayer del — Mlle Taglioni — Artiste de l'Academie Royale
de Musique — Paris Rittner et Goupil 9 b-ard Montmartre. Lith. de
Lemerrier rue du Tour S. g. 55».

Фигура 34.7 × 28.7. А.

65 То же, экз. раскрашенъ. А.

66. Безъ рамки, поясной, $\frac{3}{4}$ вл. Литографія: «Peure lith. — Marie
Taglioni — (opéra) — Paris chez Dupin et Cie — ie édit. G — ie Col-
bert. Lith. de Maurin rue de Vaugirard 72».

Изображение 13.5 × 10. А.

67. Безъ рамки, ниже пояса, $\frac{3}{4}$ вл., съ шарфомъ на плечахъ.
Литографія: «Les belles femmes de Paris — Imp. Lemerrier, Benard
et C. — C. Bur — Taglioni — Academie Royale de Musique».

Изображение 14.1 × 9.3. А.

68. Въ четырехугольникѣ, ниже пояса, $\frac{3}{4}$ вл. Литографія: «Tag-
lioni — Paris, F. Sinneti (Rotonde 10) Galerie Colbert».

Рамка 12.2 × 10. А.

69. Безъ рамки, поясной, $\frac{3}{4}$ впр. Литографія: «Erste Tänzerin
der Grossen Oper zu Paris».

40. Б.

70. Въ восьмиугольной рамкѣ, сидящая, ниже колѣнъ, прямоли-
ный, на рукахъ собачка. Гравюра пунктиромъ: «Drawn by Edwin
Smith, engraved by H. Robinson — Marie Taglioni (рочеркъ) —
London published Jan. 1-st 1842, by Thomas Me Lean 26 Haymar-
ket — Printed by Brooker and Harrison — india proof».

Рамка 28.2 × 21.8. А., Б.

71. Безъ рамки, ниже пояса, $\frac{3}{4}$ вл., въ старости. Гравюра на
стали: «Stahlstich von A. Weiger. Leipzig — Marie Taglioni — Ver-
lag von Baumgartner's Buch. Lpzg».

Доска 24.3 × 16.7. А.

Виньетка съ обложки нотъ Taglioni-Walzer.

ПРИЛОЖЕНИЯ *).

I.

Le 20 Août, 1835.

Cher marquis, avec quel plaisir j'avais reçu il y a quelques temps votre aimable lettre ainsi que celle de Madame votre soeur, vingt fois j'ai pris la plume pour vous répondre et vingt fois le courage m'en a manqué, j'avais et j'ai encore tant d'ennemies et de tourments que j'ai craignais ne pouvoir vous écrire que sous une triste influence, vous me l'auriez bien pardonné j'en suis sûre.

Enfin j'espère qu'avec le courage que j'ai apporté jusqu'à présent pouvoir venir à la fin de mes peines.

J'ai fait un voyage fort agréable dans celui que je viens de faire dernièrement à Londres, mon succès y a été plus grand que jamais; du côté des intérêts j'y ai été mieux servi, quoique mon père ait été forcé de retourner à Londres pour forcer M-r Laporte à me payer six cent livres qui restaient sur mon bénéfice et qu'il aurait été fort content de me soustraire jusqu'à l'année prochaine, ou il aurait encore recommencé. Mon pere est... non complètement satisfait, mais donnais en partie. J'ai fait ici une rentrée très brillante malgré la chaleur excecive, je n'ai dansé que quatre fois depuis mon retour, je ne m'en plain pas surtout dans cette saison; on a donné il y a Lundi huit jours Guillaume Tell, dans lequel j'ai dansé la Tyrolienne, nous avons fait 8 milles francs de recette, ce jour

*) Вездѣ сохранена орфографія и знаки препинанія подлинниковъ.

là, M-me Damoureau a chanté pour la dernière fois, son engagement est terminé et cela n'a pas été annoncé et l'on n'a rien fait pour tacher de la garder, bien au contraire, ont avait donné ce jours là ordre aux claqueurs de ne pas applaudire non plus, vu que c'était l'avant veille d'une première representation et qu'on ne voulait pas ce jour un succès de danse.

Le mercredie ont a donc donné le ballet l'Ile des pirates en 4 actes et qu'on a mis 8 mois à répéter, ce n'est pas à mon goût de moins un ballet digne de l'opéra, on tire beaucoup trop de coups de pistolets jusqu'à M-lle Fanny Elssler qui l'en melle aussi et qui tire même de l'épée, ce qui est fort peu gracieux pour une femme, du reste il y a de la danse à n'en plus finir.

Dans le premier acte il y a une danse napolitaine assez jolie mais pour qu'elle fasse de l'effet il ne faut pas avoir vu la muette. Le second acte se passe sur un vaisseau, on y fait des luttes et des jouets peu digne de notre grand Théâtre; ces dames dansent avec des bouteilles à la mains et en tirent même des bouchons ce que n'a rien du tout gracieux. Il y a dans cet acte que M-me Montessu (?) qui y soit assez drôle, elle fait une petite vivandiere qui bat du tambour et fait bien.

Le 3-me acte sur lequel on comptait beaucoup n'est qu'une longue danse qui dure trois quart d'heurs ou cependant il y a des jolies choses qui sont tuées par leur longueur excecive. De quatrieme acte n'est qu'un tableau qui reprësante un combat naval mais qui est loin d'approcher de celui du cirque Olimpique. Il y a de fait beaux costumes. La mise en scene n'est point remarquable les décorts sont assez bons, ils ne m'ont sependant enchanté. En somme très peu d'interet; les Demoiselles Elssler se fatiguent

beaucoup sans en tirer de l'avantage. Voici, cher marquis, mon avis sur ce ballet et je vous assure que je l'ai jugé sans partialité car je croyais que M-r Henry aurait fait mieux que cela. On l'a déjà donné 3 fois et la recette n'a pas encore passé cinq milles francs. On dit que M-r Véron va voyager, il peut bien aller dépenser un peu de l'argent que nous lui avons fait gagner. Ecrivez moi, cher marquis, pour me prouver que vous n'êtes pas fâché contre moi, quoique je le mérite bien, et écrivez moi surtout que nous nous verrons bientôt. Mille choses aimables de la part de mon père et de ma mère, cette dernière a maintenant une santé parfaite et si elle continue, elle sera bientôt comme une boule. Quant à moi je vois assez bien, cependant ma santé n'est pas toujours très bonne, l'espère que tout cela reviendra. Adieu, mille compliments empressées à M-me votre soeur et croyez à l'amitié de votre bien dévouée.

MARIE TAGLIONI.

(Переводъ).

20 Августа 1835 года.

Дорогой Маркизь, съ какимъ удовольствіемъ я получила нѣсколько времени тому назадъ Ваше любезное письмо, такъ же какъ и письмо Вашей сестры; двадцать разъ я брала перо, чтобы Вамъ отвѣтить и двадцать разъ у меня не хватало на это рѣшимости; я имѣла и имѣю еще столько враговъ и непріятностей, что я боялась писать Вамъ подъ грустнымъ впечатлѣніемъ, хотя Вы бы меня и извинили, въ этомъ я увѣрена; наконецъ я надѣюсь, что съ храбростью, которую я до сихъ поръ имѣла, я достигла конца моихъ огорченій *).

*) Это былъ вообще годъ несчастій для артистки. Въ этомъ году она разошлась съ мужемъ, жизнь съ которымъ ей стала невыносима. Въ этомъ же году начались первые успѣхи Эль-

Я сдѣлала только что очень пріятное путешествіе въ Лондонъ, успѣхъ мой тамъ былъ большій чѣмъ когда либо; съ матеріальной стороны я также была лучше вознаграждена, хотя мой отецъ и долженъ былъ возвратиться въ Лондонъ чтобы заставить г-на Лапорта доплатить мнѣ 600 фунтовъ оставшихся отъ моего бенефиса, которые онъ бы охотно задержалъ до слѣдующаго года, когда онъ опять (хочетъ) возобновить (антрепризу?). Мой отецъ былъ удовлетворенъ, хотя только частью. Здѣсь я сдѣлала блестящій выходъ, не смотря на сильную жару; я танцевала только 4 раза по своему возвращенію, но я на это не жалею, особенно въ этотъ сезонъ; въ понедѣльникъ минула недѣля какъ давали Вильгельма Телля, гдѣ я танцевала Tyrolienne; мы сдѣлали 8.000 франк. сбору; въ этотъ день г-жа Daimougeau пѣла въ послѣдній разъ, т. к. ея контрактъ кончился и (но) объ этомъ не было объявлено и ничего не было сдѣлано, чтобы удержать ее, даже наоборотъ; клакерамъ было приказано не аплодировать совѣмъ, т. к. это было за день до перваго представленія и въ этотъ день былъ нежелателенъ успѣхъ танцевальнаго номера.

Въ среду дали, наконецъ, балетъ «Островъ Пиратовъ» въ 4-хъ актахъ, который репетировали въ теченіе 8 мѣсяцевъ; это не въ моемъ вкусѣ, по крайней мѣрѣ (по моему) не достойно для оперы; слишкомъ много стрѣляютъ изъ револьверовъ вплоть до M-me Fanny Elssler, которая также въ этомъ принимаетъ участіе и даже

слеръ, причинившіе Тальони не мало огорченій. Изъ письма мы видимъ еще и денежные непріятности съ Лапортомъ, директоромъ англійскихъ театровъ, отъ неудачныхъ денежныхъ операцій котораго Тальони въ послѣдствіи потеряла довольно крупную сумму.

дерется) на шпагахъ, что очень мало граціозно для женщины; кромѣ того безконечно много танцевъ.

Въ 1-мъ актѣ есть неаполитанскій танецъ, достаточно красивый, но чтобы онъ произвелъ эффектъ надо было бы не видать (балета) «Нѣмая».

2-й актъ на кораблѣ, на немъ происходитъ борьба и игры мало достойныя нашего Большого Театра; эти дамы танцуютъ съ бутылками въ рукахъ и даже вытаскиваютъ изъ нихъ пробки, что не имѣетъ ничего граціознаго. Въ этомъ актѣ г-жа Montessu, которая въ немъ довольно смѣшна, играетъ роль маленькой маркизантки, которая бьетъ въ барабанъ и дѣлаетъ это хорошо.

3-й актъ, на который очень рассчитывали, ничто иное какъ длинный танецъ, который продолжается $\frac{3}{4}$ часа, въ которомъ есть хорошія (вещи) но онѣ убиты своею длиннотою.

4-й актъ только картина представляющая морское сраженіе, но она далека отъ такой же картины въ циркѣ Olimpique.

Правда, есть красивые костюмы. Постановка не представляетъ ничего особеннаго, декораціи довольно хороши, хотя онѣ меня не привели въ восторгъ. Въ общемъ очень мало интереса; (сестры) Elssler утомляются сильно, не извлекая изъ этого никакого благопріятнаго результата. Вотъ, дорогой маркизь, мой взглядъ на этотъ балетъ, и я Васъ увѣряю, что я судила безпристрастно, думая что г. Henry *) сдѣлаетъ что-нибудь лучшее. Балетъ этотъ дали уже 3 раза и сборъ еще не превысилъ 5.000 франковъ. Говорятъ что М-г Véron **) вдетъ

*) Henry, 2 й балетмейстеръ.

**) Véron, директоръ Парижской Оперы.

путешествовать, онъ можетъ немного порастратить тѣ деньги, которыя мы ему дали заработать.

Пишите мнѣ, дорогой маркизь, чтобы доказать, что Вы на меня не сердитесь, хотя я это заслуживаю и напишите мнѣ особенно то, что мы скоро увидимся. Тысяча любезныхъ вещей со стороны моего отца и матери; послѣдняя въ настоящее время совершенно здорова и если будетъ такъ продолжаться, то будетъ скоро какъ шаръ.

Что касается до меня, я (чувствую себя) довольно удовлетворительно, хотя мое здоровье и не всегда очень хорошо, надѣюсь все это вернется. Прощайте передайте тысячу лучшихъ пожеланій сестрѣ Вашей и вѣрьте въ дружбу Вашей преданной

Марія Тальони.

II.

Paris, 14 Janvier, 1866.

Monsieur le Rédacteur en chef!

A l'occasion de la reprise du Dieu et la Bayadère, le redacteur de votre chronique Parisienne du Samedi 13 Janvier a cité mon nom avec une bienveillance dont je le remercie.

Mais son article contient une allégation inexacte, de nature à porter préjudice à la jeune artiste qui va jouer le rôle auquel on veut bien dire que mon nom reste attaché.

Mademoiselle Salvioni est mon élève, il me semble que j'ai le droit de la défendre. Je veux donc vous demander de rétablir la vérité des faits.

Aucune répétition du Dieu et la Bayadère n'a eu lieu jusqu'à ce jour. L'orchestre n'a point été encore convoqué.

La pièce n'a point été annoncée sur l'affiche. C'est veut dire assez qu'aucun retard n'a pu être apporté à la représentation par le plus ou moins d'effet produit aux répétitions par Mademoiselle Salvioni.

J'ai guidé moi-même cette jeune artiste, je lui ai enseigné les traditions d'un rôle qui restera l'un de mes plus chers souvenirs.

Il me semblait parfois revivre en elle, en mêlant mes applaudissements à ceux de ses compagnes. Le public jugera si je me suis trompée.

Jusque là, jeter le doute dans l'esprit du public, le découragement dans l'âme d'une artiste, en avançant des faits complètement erronés, n'est-ce pas montrer peu de bienveillance ou du moins une bien grande légèreté?

Je compte sur votre impartialité, Monsieur le Rédacteur en chef, pour la reproduction de cette lettre et je vous prie d'agréer l'assurance de ma considération la plus distinguée.

MARIE TAGLIONI.

(Переводъ).

Парижъ 14 Января 1866 г.

Господинъ главный редакторъ!

По случаю возобновленія Dieu et la Bayadère, редакторъ Вашей Парижской Хроники отъ субботы 13 января, упомянулъ мое имя съ доброжелательностью, за которую я его благодарю.

Но его статья содержитъ неточныя указанія, могущія вызвать предвзятое сужденіе о молодой артисткѣ, играющей роль съ которой, по общему мнѣнію, связано мое имя.

Mademoiselle Salvioni моя ученица, и мнѣ кажется, что я имѣю право ее защищать, я хочу просить Васъ, возстановить истину фактовъ.

Никакой генеральной репетиціи Dieu et la Bayadère до сего дня не было. Оркестръ еще совершенно не былъ созванъ. Пьеса еще не была поставлена на афишѣ. Слѣдовательно никоимъ образомъ опозданіе перваго спектакля не могло быть вызвано никакимъ эффектомъ, произведеннымъ на репетиціи Mademoiselle Salvioni.

Я лично руководила молодой артисткой, я ей сама указала традиціи роли, которая останется однимъ изъ моихъ самыхъ дорогихъ воспоминаній. Мнѣ казалось, что я совершенно оживаю (воплощаюсь) въ ней, присоединяя мои апплодисменты къ хору ея товарищей. Публика будетъ судить ошиблась ли я.

Бросить сомнѣніе въ умы публики, заронить неуверенность въ душу артистки предупреждая факты совершенно невѣрные, не значить ли это показать мало доброжелательности (къ ней) или по меньшей мѣрѣ, (выказать) большое легкомысліе?

Я разсчитываю на вашу безпристрастность, господинъ главный редакторъ, и на опубликованіе этого письма и прошу Васъ принять увѣреніе въ моемъ самомъ почтительномъ уваженіи.

МАРІА ТАЛЬОНИ.

ИСТОЧНИКИ.

Записки Головачевой - Панаевой. Истор. Вѣстн. 1889 г.
 Воспоминанія Пржецлавскаго. Русск. Стар. 1874 г.
 Записки внучки о. І. Бичурина. Русск. Стар. 1888 г.
 Записки Никитенко. Русская Стар. 1889 г.
 Дневникъ А. Храповицкаго. Русск. Стар. 1879 г.
 Записки Е. Шубертъ. Еж. Имп. Т. 1911 г.
 Записки Каратыгина. Русск. Стар. 1873 г.
 Воспоминанія Зотова. Истор. Вѣстн.
 Письма В. Одоевскаго. Р. Ст. 1880 г.
 Пятидесятилѣтіе Н. Гольца. Спб. 1872 г.
 Пыпинъ. Переписка Бѣлинскаго. Спб.
 Біографія Тальони. Спб. 1837 г.
 Поднебесный. М. Тальони — Грація. Спб. 1837 г.
 Театральный Альбомъ. 1842 г.
 Вольфъ. Хроника русскаго театра.
 Тапѣевъ С. Изъ прошлаго Имп. Театровъ. Вып. II. Спб. 1886 г.
 Скальковскій К. Балетъ. Спб.
 Сѣверная Пчела. 1837 — 42 г.г.
 Сынъ Отечества. 1837 г.
 Художественная Газета. 1837 — 39 г.г.
 Репертуаръ Русскаго театра. 1838 г.
 Репертуаръ и Пантеонъ. 1840 г. и др.
 Литературныя прибавленія къ Русск. Пивалиду. 1839 г.
 Larousse. Dictionnaire.
 Ehrharde. Une vie de danseuse. 1909 г.
 Ch. Boigne. Petits mémoires sur l'opéra.
 Monde dramatique. 1838 — 39 г.
 Wiener Theaterzeitung. 1822 г.
 Les Beautés de l'opéra.
 Les gloires de l'opéra.

Journal des débats. 1827 — 42 г.г.
 Le Constitutionnel. 1827 — 33 г.г.
 Gazette de Théâtre. 1837 — 39 г.г.
 Châlon. Six Sketches. 1831 г.
 Psyché. 1837 г.
 Erinnerungen an das Ballet des Königl. Hoftheaters zu Stuttgart.
 Maigron L., Le Romantisme et la mode Paris. 1911 г.
 The Dance. London. 1911 г.
 C. Briffault. Taglioni.
 The Theâtres of Paris. Ch. Mervey. Paris 1847 г.
 E. Benézit. Dictionnaire des Peintres. Paris 1911 г.
 Th. Gautier. Portraits Contemporains.
 Véron. Mémoires d'un bourgeois.
 Monaldi. La Danza del secolo XIX.
 Le Charivari. 1834 г.

Виньетки и концовки для этой книги взяты изъ альманаховъ 1820 — 35 г.г.

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

	СТР.
Фронтисписъ «Ножка Тальони», съ гравюры Райта по рисунку Киля	1
Марія Тальони. Литографія Майера по рисунку Canzi	2
Сцена изъ балета «Zemira»	9
Марія Тальони, литографія по рисунку Lauter	11
Марія Тальони, литографія по рисунку L. Noël	13
Марія Тальони, литографія по рисунку Salabert	21
Марія Тальони, гравюра Robinson, по рис. E. Smith	23
Марія Тальони, литографія по рисунку Belliard	25
Марія Тальони, литографія по рисунку Chalon	27
Марія Тальони въ «Сильфидѣ», литографія по рисунку Déveria	29
Сцена изъ балета «Abend eines Rajah»	29
Сцена изъ балета «Сильфида». Оригин. рис. П. Басина	31
Марія Тальони въ балетѣ «Сильфида», оригин. рисунокъ П. Басина	33
Литографія по рисунку Р. Жуковского изъ «Scènes populaires Russes»	34
Марія Тальони въ балетѣ «Сильфида», оригин. рисунокъ П. Басина	35
Сцена изъ балета «Дѣва Дуная», оригин. рис. П. Басина	37
Марія Тальони въ балетѣ «Гитана», ориг. рис. П. Басина	39
Марія Тальони въ балетѣ «Дѣва Дуная», литографія Разумихина по рис. Зеленскаго	45
Сцена изъ балета «Сильфида», съ картины художн. Lepolle	49
Сцена изъ балета «Der Jahrmarkt»	51
Марія Тальони въ балетѣ «Сильфида», литографія по рис. E. Chalon	53
Марія Тальони, литографія художника L'Enfant	55
Марія Тальони въ балетѣ «Баядерка», литографія по рис. E. Chalon	59
Марія Тальони въ балетѣ «Гитана», литограф. по рис. Blan	63
Марія Тальони въ роли «Флоры», литогр. по рис. E. Chalon	65
Марія Тальони. Fée aux fleurs, литографія по рис. Valentini	69
Сцена изъ балета «Тѣнь», литографія по рис. В. Тимма	69
Вишѣтка съ обложки нотъ Taglioni-Walzer	79